

СВЕРХНОВАЯ ФАНТАСТИКА

ПАУТИНА МИРОВ

МАКСИМ ИГОРЬ

МИНАКОВ
ХОРСУН

Annotation

Студент Костя Лещинский с Земли и модельер То Нда Хо Гаррель с Арсианы, заброшенные в мир, где погибла высокоразвитая цивилизация, вынуждены стать пилотами боевых бронеходов, чтобы поддерживать хоть какую-то тень порядка среди множества разумных существ, так же как они похищенных с родных планет.

Новые бойцы не подозревают, что это лишь начало Пути. Ведь их судьбы брошены на кон в галактической игре, разменными фишками в которой служат целые галактики.

Лети вверх! Лети вниз! Лети вбок! Ты мертв. Ты жив. Твое путешествие начинается...

Игорь Минаков, Максим Хорсун

Паутина миров

© Минаков И. В., 2017

© Хорсун М. Д., 2017

© ООО «Яуза-каталог», 2017

* * *

А оно все выворачивается, выворачивается, выворачивается...

Обрубок дождевого червя. Бахрома щупальцеобразных отростков в два ряда. Кожистая мембрана, натянутая до прозрачности. Желатиновая плоть. Пульсация внутренних органов. Трепет артерий, ток черной крови.

Пришедшее из ниоткуда. Влекущее в никуда.

Движимое вечным голодом.

Необоримое.

Лишенное сочувствия и страха.

Слепое, глухое, бездумное. Только пасть, которая выворачивается, выворачивается, выворачивается... тебе навстречу.

Тьма и свет Вселенной перемешаны в бездонном мешке желудка.

Лети вверх. Лети вниз. Лети вбок.

Ты мертв. Ты жив.

Твое путешествие начинается.

Долго-долго народ оджибве живет на Черепашьем Острове. Бабушка-Паучиха, Асабикаши, заботится о своих детях – людях Земли. Но когда народ оджибве расселился по всей Америке – благослови ее бог! – Асабикаши стало трудно посещать каждую колыбель. Тогда Бабушка-Паучиха научила женщин плести волшебные паутинки для маленьких детей из ивовых прутьев, сухожилий или ниток...

Старый Том Два Ворона повертел в корявых, темных от ввевшегося мазута пальцах ловец снов – паутину из суровых ниток и оленьих жил, натянутую на ивовый обруч. Натали на миг отвлеклась от ночной дороги, бросила взгляд на попутчика.

Дырявые на коленях джинсы, клетчатая рубашка нараспашку. На волосатой груди – крест из обсидиана, в руках – шаманская штуковина. Одно другому не противоречит в этом чокнутом мире. Из-под шляпы торчат седые, слипшиеся сосульками волосы. Скуластое морщинистое лицо. На крыльях крючковатого носа – голубые склеротичные сеточки.

– Посмотри, дочка: штуковина круглая, как солнце. В восьми местах крепится к обручу паутина, – палец со слоистым, поломанным ногтем скользнул по окружности ловца снов, – потому что восемь лап у Асабикаши. В середине паутины – дырочка, как у моей скво в юности, и добрые мысли пройдут сквозь эту дырочку к человеку, а злые – запутаются в паутине.

Под колесами зашуршал свежий асфальт: «Бьюик» Натали выехал на федеральное шоссе № 160. Свет фар выхватил из тьмы дорожный указатель.

«Форт-Мохаве – 60 миль».

Путь затянулся. Сначала бумажная волокита в департаменте образования Сан-Бернардино; несмотря на все договоренности, Натали долго не могла получить подписанные шефом отдела документы. Потом – поломка на пустынной трассе. Если бы не воля случая, воплотившаяся в бродячем торговце, способном к тому же ловко обращаться с гаечными ключами, то Натали пришлось бы возвращаться в город. Но теперь до резервации «Форт-Мохаве» – всего ничего. Меньше чем через час они будут на месте. А завтра – новый день, новая школа, новые дети и старые, как Вселенная, проблемы.

– Я был механиком в Рино, а теперь продаю ловцы снов по два бакса за штуку повсюду: от Вегаса до Лос-Анджелеса, и я давно понял, что именно хотят от меня услышать туристы. – Том Два Ворона поднял обруч к лицу, посмотрел сквозь переплетение нитей и сухожилий на ночную дорогу. – На самом деле это – никчемная деревяшка, дочка. Бизнес – так себе, но на сандвич и стаканчик виски старику хватает. Ты ведь тоже из наших и понимаешь, о чем речь... Индейская кровь разбавлена до прозрачности, но я все равно ощущаю в тебе дух полноводной Колорадо.

На востоке полыхнула зарница. Ветер донес приглушенное ворчание, похожее на отголосок далекого грома. Натали невольно стиснула руль крепче. На мгновение ей показалось, что шины «Бьюика» оторвались от дороги.

– О-о, – протянул Том. – Опять рвануло, чтобы им пусто было!

– Атомные испытания? – испуганно спросила Натали.

– Они самые. Привыкай, дочь. Пока Советы живы, будет греметь и днями и ночами.

Натали покачала головой.

– Это выглядит такой бессмыслицей, дедушка. Ведь мы с русскими были союзниками, а

теперь тратим кучу денег, чтобы сотрясать пустыню в центре собственной страны. Видит бог, наши доллары можно было потратить с большей пользой...

Говоря это, она думала о нищете и антисанитарии, которые царили в индейских резервациях, о безграмотных, плохо одетых и чем попало накормленных детях, которым она завтра начнет преподавать основы основ: арифметику и письмо.

Том Два Ворона хмыкнул, затем пробурчал, глядя на свое отражение в боковом стекле.

– Оба моих сына погибли на Эльбе. Русские, немцы, французы, англичане... – Его темные пальцы ощупывали ивовый обруч, точно искали в древесине изъян. – Не придумал еще Господь кары, которой достойны те, кто развязал войну, и те, кто нагрел на ней руки... Зато ее изобрел дядя Сэм...

Он повернулся к Натали и посмотрел на девушку сквозь отверстие в «паутине».

– Соболезную вам, – быстро сказала Натали, понимая, что следует сменить тему. Похоже, у старого индейца была своя трактовка событий Второй мировой, и Натали меньше всего желала тратить силы на спор. Она вообще предпочла бы проделать остаток пути в молчании. Натали дьявольски устала, а еще она постоянно ощущала запах собственного пота, и это лишало ее остатков расположения духа.

«Бьюик» осветили фары догоняющей машины. Послышался бычий рев клаксона. Натали прижалась к обочине. Мимо пронеслась колонна крытых брезентом армейских грузовиков.

– Краснокожий – вовсе не означает «красный», – продолжил Том. – Но комитет по расследованию антиамериканской деятельности спрашивает с нашего брата строго. Тебе еще не приходилось сталкиваться с агентами комитета, нет? Что ж, придется. Держи ухо остро, дочка, и не вспоминай бывшие союзы. О! – Старик ткнул пальцем в лобовое стекло. – Заправка Контуженного, значит, еще немного, и мы – на землях мохаве.

Натали молча кивнула.

И вот на обочине мелькнул столб с табличкой, извещающей, что они возле границы резервации. От шоссе ответвлялась мощенная щебнем ухабистая дорога. Натали крутанула руль. Потянулись обочины, заросшие выгоревшей полынью в человеческий рост.

– Мохаве придают большое значение сновидениям, – неожиданно сообщил Том Два Ворона. – Имей это в виду.

– Я не первый год работаю в резервациях, – ответила Натали. – Я умею уважать местные нравы.

Том снова поднес ловец сновидений к лицу и посмотрел сквозь «паутину» на дорогу. За стеной полыни виднелось электрическое сияние: уличное освещение – почти роскошь для поселка индейцев. Неоновые проблески намекали на существование нескольких лавок, бара и мотеля. Натали вытерла со лба пот. Невольно представилось, как она заходит в душевую, поворачивает скрипучий кран, затем подставляет горячее и пыльное тело прохладным струям.

Скорее бы уже, черт!..

– Девка, стой! – не отнимая деревяшку от лица, рывкнул вдруг старик. – Клянусь богом, что-то тут не так...

Натали не хотелось ни с того ни с сего останавливаться на въезде в поселок, когда лишь полмили отделяли ее от мотеля. Она проехала еще футов четыреста, затем все-таки ударила по тормозам. Совсем рядом – протяни руку и достанешь – сияли окнами жилые дома: неказистые, с фанерными стенами. Чуть правее находилась стоянка для трейлеров. Слева громоздилась цистерна, выступая скругленной вершиной над крышей продуктового

магазина.

– Что? – раздраженно спросила Натали, повернувшись к попугайчику. – Желаете выйти здесь?

Но Том Два Ворона уже выскользнул из салона, оставив дверцу открытой. Он побежал вперед, семеня короткими ножками в пляжных шлепанцах, пронесся перед капотом, скрылся в тени и там запричитал на языке мохаве.

Натали решила, будто у Тома Два Ворона приступ или что-то в этом роде. Бросать людей в беде было не в ее правилах, поэтому она решительно вышла из машины и направилась к старику.

Тьма была гулкой, мелко клубящейся, гранулированной. Круги света под уличными фонарями походили на галактики, отделенные друг от друга непреодолимым барьером из темной пустоты.

Тьма ныла в ушах, точно туча moskitov. Этот навязчивый, омерзительный писк оглушал, и могло показаться, будто из него состоит весь мир вне салона «Бьюика». Из него и из ритмичных всхлипов, похожих на звук работающей помпы.

Натали оглянулась. То, что она приняла сначала за цистерну, содрогалось, словно пораженное аритмией сердце. Колыхалась бахрома мясистых отростков. Влажно отблескивающие в свете фар «Бьюика» сети – то ли кишки, то ли сухожилия – оплетали двускатную крышу магазина и стелились в проулке. На стенах, заборах, на хилых кустарниках и дороге серебрилась слизь, точно иней.

Ловец снов упал к ногам Тома Два Ворона. Старый индеец содрал шляпу, взлохматил длинные волосы. Затем приосанился и зашагал в сторону «цистерны».

Натали охватили сомнения. Она оглянулась на «Бьюик», который не стоило оставлять открытым. Но сомнения длились недолго, точно что-то отсекло колебания и вообще лишние мысли. Длинноногая Натали кинулась за попугайчиком вдогонку.

В мелко клубящуюся тьму. Навстречу moskitnomu писку и утробным всхлипам.

А оно все выворачивалось, выворачивалось, выворачивалось...

Ласкова волна. Гладит бока и брюхо, подобно нежному материнскому плавнику. Погружаюсь в воду по глаза и наблюдаю, как на бирюзовом небе появляются белые клочки облаков и как снова растворяются в синеве. Непрерывна и случайна череда рождений и смертей, небо отражает жизнь народа кхару так же, как море отражает ход огненного круга.

Горизонт теряется в паркой дымке. Непонятно, где заканчивается море и начинается небо. Ясно только, что кхару живут в море, а змеекрылы и огненный круг – в небе.

Мир Ша-Даара безбрежен. Только вода на все стороны света. Вода синяя, вода зеленая, вода желтая, вода белая. Вода, отравленная донными вулканами, вода, которая из-за водорослей густа, как слизь, покрывающая мою кожу. Вода здоровая, вода больная, вода обыкновенная или вода чудесная.

О том, что такое «берег» и «земля», мы узнали от пальцеруких, живущих на плавучих растениях. На Ша-Дааре нет берега или земли. На землю больше всего похожи льдины белых вод. Похожи, но и только.

Срываюсь с поверхности, плыву на глубину и догоняю клейкохвостку. Проглатываю ее живьем и наслаждаюсь трепетом добычи в просторном желудке.

Выныриваю и вижу, что горизонт разорван темным пятном. Что-то плывет, неуклюже раскачиваясь на волнах, в мою сторону.

Плот.

Плот – тоже слово пальцеруких. Так они называют связанные вместе стебли плавуна.

Пеня хвостом воду, спешу навстречу.

Давно не встречал пальцеруких. Я бы не прочь послушать, как они рассказывают истории. Пальцерукие знают много удивительного. Их слова могут показаться излишне сложными или даже лишены смысла. Но стоит только задуматься, и туманное станет ясным. Народ кхару думает все меньше и меньше. Мы живем одиноким дрейфом и подводной охотой; для того и для другого не нужно много мыслей. И истории пальцеруких помогают народу кхару отсрочить сон разума.

Может, на плоту есть кто-то живой?

Пальцерукий лежит ничком на стеблях и смотрит в небо, как делал и я какое-то время назад. Он пытается отогнать тонкой рукой грызух, что кружатся над его лицом и грудью.

Сначала я привлекаю внимание пальцерукого пением, затем бью ластом по воде так, чтобы сверкающие в сиянии огненного круга капли окатили его с головы до ног.

Пихаю хлипкий плот в бок и прошу: «Расскажи!» Подныриваю под плот, оказываюсь с другой стороны, снова толкаю плот и повторяю свою просьбу.

Пальцерукий приподнимается на локтях, глядит на меня.

«Я умираю! – шепчет он. – Какие еще рассказы!»

В досаде погружаюсь на глубину; вонзаюсь в воду, как врезаются клыки в плоть добычи. Когда прохлада нижних течений остужает мне голову, я спешу на поверхность.

«Чем тебе помочь?» – интересуюсь у пальцерукого.

«Добудь воды!»

Это так, на Ша-Дарре, где океан – от края до края, самая большая ценность – вода. Но не простая, а чудесная: та, что льется с пасмурных небес в непогоду. Еще она есть в стеблях зеленых плавунов. Но у меня такой нет, и нигде поблизости ее не найти. Я с сожалением

качаю головой.

«Болтливая рыба, – обращается ко мне пальцерукий. – Слушай сюда. Севернее я видел колонии плавунов. Подтолкни мое корыто! Всего день пути... Не дай сдохнуть! А я за это расскажу столько историй, сколько тебе ни один фраер на Ша-Дааре не наплетет!»

Недоверчиво баламучу хвостом воду. Дел неотложных у меня нет, и решительно все равно, в какую сторону плыть.

«По рукам!» – говорю ритуальные слова пальцеруких.

Затем упираюсь в плот плечом. Толкаю против течения.

Валерка докурил сигарету и швырнул ее в мокрую от вечерней росы траву. Несколько мгновений окурок еще тлел в темноте, а потом с коротким шипением погас.

– Чего бычками швыряешься! – пробурчал Костик. – Пацанов отучаем, а сами...

– Ты мне зубы не заговаривай, – с ленцой отозвался Валерка. – Пойдешь сейчас на кладбище или бздишь?

– Детский сад...

– Значит, бздишь.

– Да пошел ты!

– В общем, так, братан, – как ни в чем не бывало продолжал Валерка. – Там в ограде дырка, ты ее легко найдешь, тропинка ведет прямо к ней... Значит, через дырку и дуй к склепу. На могильной плите мы с Лоркой бутылку из-под «Мартины» оставили. Принесешь ее мне, понял?

– Понял, – мрачно откликнулся Костик.

– Принесешь, значит, не бздун.

– Хрен с тобой, принесу!

– О, это по-пацански! – Валерка покровительственно похлопал младшего водителя по плечу. – Ступай, герой! Жду с победой... А я... – Старший водитель зевнул. – К Лорке пойду... зябко что-то...

Он нырнул в дом. Стукнула рама, затянутая противокмаринной сеткой. Костик остался в одиночестве.

«Почему это Смирнов всегда берет меня на слабо?..» – подумал он горестно.

Валерка нравился девчонкам. Рослый накачанный блондин, наглый, как танк, и обаятельный, как Джонни Депп. Он любил прикалываться над чернявым невысоким Костиком, который при виде Валеркиной подружки, медсестры Лариски Емельяновой, мучительно краснел и заикался. Не то чтобы Лорка ему нравилась, но от ее пышного тела веяло такой женской притягательностью, что не реагировать на нее было невозможно. Валерка это быстро просек и стал пользоваться, придумывая Костику все более каверзные испытания и недвусмысленно намекая, что Лорка не любит маменькиных сыночков и бздунов.

Зубчатая стена Клетинского бора чернела на фоне серебристо-белого ночного неба. Ухал филин. От реки несло промозгой сыростью. Зудели комары. Смутно белела тропинка, которую любознательные пионеры протоптали к кладбищу. И пионеров-то давно нет. И лагерь «Салют» называется просто – детским и оздоровительным. А тропинка осталась. И вот теперь ему, Костику, студенту-второкурснику, предстояло отправиться туда, куда бегают по ночам разве что глуповатые пятиклассники. Единым духом одолеть полкилометра. Протиснуться между ржавыми прутьями. Отыскать склеп и забрать эту дурацкую бутылку.

«Отдам и скажу, чтобы засунул ее себе куда поглубже!..» – решил Костик, спрыгивая с крыльца.

Штанины джинсов промокли мгновенно, но кроссовки были хорошие, им роса не страшна. Костик мчался едва ли не вприпрыжку. Вспомнилось детство. Такой же лагерь. Страшилки, которые рассказывали пацаны после отбоя. Сладковатая жуть и тайное желание проверить себя. Но рядом с лагерем «Лазурный берег», где Костик проводил летние

каникулы, не было кладбища. Там все было по высшему разряду, как и положено в заведении для детей состоятельных родителей. Костик и сейчас бы не парился в этом совковом «Салюте», да времена изменились. Папик разорился в кризис две тысячи восьмого и не мог больше замолвить словечко перед ректором педуниверса, куда Костику пришлось поступать своими силами, без протекции. И тем более ничто не мешало отправить сынка бывшего владельца торговой сети на практику в бюджетный детский лагерь на берегу Нутромы.

Кладбищенская ограда рассекала лес ржавым редкоколом. Три прута, как раз над тропинкой, были отогнуты. Костик протиснулся, стукнувшись макушкой о верхнюю перекладину. На кладбище стояла тишина. Это было странно, ведь бор по ту сторону ограды шумел и гнулся под ветром. Сразу вспомнились все страшилки, слышанные в детстве, все пересмотренные ужастики. Костик повернул было назад, к пролomu, но кто-то голосом Валерки насмешливо шепнул ему в ухо: «Принесешь, значит, не бздун...» И Костик остался. Не глядя на белесые от времени деревянные кресты, спотыкаясь о просевшие холмики, не обращая внимания на зловещую тишину, он зашагал к склепу. Кладбище раскинулось на холме, деревья здесь росли редко, а немеркнувшее июньское небо давало больше света, чем в лесу, поэтому Костик почти сразу заметил угловатую крышу склепа.

Теперь оставались сущие пустяки. Дойти до склепа, в котором давно ничего не было, кроме прошлогодних листьев, пивных жестянок, использованных прокладок и презиков, взять бутылку, и назад. И лучше всего – по-быстрому. Костик единым духом преодолел расстояние, оставшееся до склепа, рванул на себя хлипкую деревянную дверь, чудом держащуюся на петлях, и отпрянул...

Ни листьев, ни презиков, ни жестянок – весь склеп занимала влажная, тошнотворно пульсирующая масса. Костик остолбенело взирал на непонятную дрянь, вцепившись в ручку двери.

«Пропала бутылка... Смирнов ни за что не поверит...» – это была единственная связная мысль, которая вертелась у него в голове.

Розовая гадость словно почувствовала присутствие младшего водителя. Она выбросила истекающие слизью отростки и вдруг неувовимо и страшно вывернулась наизнанку.

Спроси Костика: как это – вывернулась? Где у нее изнанка? Он ответить бы не смог. Просто почувствовал – выворачивается, мразь. А потом – опять и опять. И каждый такой «выверт» сопровождался волнами невыносимой вони. И, как ни дико, вонь эта вовсе не оттолкнула второкурсника Костю. Наоборот, – забыв обо всем, он, будто загнипнотизированный, шагнул неведомой твари навстречу.

Глава первая. Чертово Коромысло. Гвардеец Корсиканца

Хитники отступили, оставив на Крысином пустыре полтора десятка ранеными и убитыми. Сухая трава горела, бриз раздувал пожар.

Лещинский направил бронеход сквозь дым и жаркое марево. С виду громоздкий трехногий механизм с вынесенными на пилоны огнеметами и скорострельными излучателями переместился, мерно ступая сегментированными лапами, на середину пустыря.

– Это Мак. Я собираюсь выйти, – объявил Лещинский по рации. – Что неприятель?

В шлемофоне раздался голос Польшина:

– Мак, это Тюльпан. Хитники бегут на северо-восток, предположительно – в Грязный порт. Расстояние увеличивается. Проведу до буферной зоны, чтобы быть уверенным.

– Понял, Тюльпан, – отозвался Лещинский. Камера заднего вида выхватила силуэт второго бронехода. Это Гаррель подтянулся ближе, чтобы в случае чего прикрыть товарища. – Открываю кабину.

Лещинский расстегнул ремни, отодвинул в сторону пульт, разблокировал замки. Загудели сервомеханизмы, поднимающие «фонарь» над корпусом боевой машины.

Почему-то вспомнилось, как жгут листву в осеннем парке. Над тропинками, над полянами, между морщинистыми стволами деревьев висит белесая мгла: коктейль из дыма и тумана. Пахнет пряно и горько. И солнце – словно серебряный кругляш над оскудевшими кронами...

Гнать эти мысли. Поганой метлой – гнать!

Выбраться из кресла. Встать на подножку. Спрыгнуть на землю.

Вдали гудели турбины флаера Польшина, Тюльпан провожал хитников, следуя за ними на километровой высоте. Бронеход Гарреля тяжело топтался вдоль границы пустыря, на каждый его шаг замусоренная земля отзывалась дрожью.

– Мак, со стороны Канавы идут ополченцы, – раздался в шлемофоне голос Гарреля.

– Пусть идут, – пробурчал Лещинский. – Это их добыча...

Он вытащил из нагрудного кармана трубку, вырезанную из корня жгучей осины.

Темно-вишневое, отполированное тысячами прикосновений неказистое изделие напоминало пальцы Аркадия Семеновича – узловатые и почерневшие. Профессор Сахарнов наловчился работать с древесиной, к которой другие и подступиться боялись. Не от хорошей жизни пришлось освоить старику ремесло резчика по дереву. На говорливом базаре близ Чумного городища поделки бывшего декана философского факультета МГУ пользовались небольшим, но устойчивым спросом.

Лещинский пососал пустую трубку – табака все равно не было – и тут же вынул ее изо рта. Показалось, что над грудой битого кирпича блеснул зрачок оптического прицела. Гаррель, как всегда, отреагировал быстрее. Огненная струя хлестнула по развалинам. Повеяло смрадом горелого мяса.

Значит, не показалось...

– Спасибо, брза!

В ответ раздалось хриплое уханье, означающее у арсианцев довольный смех.

Лещинский включил камеру, закрепленную на плече, и, похрустывая высохшей травой, направился туда, где чернели тела хитников. Нужно было успеть все задокументировать,

пока не нагрянули ополченцы. Только больному воображению Корсиканца толпа полуживотных, вооруженных чем ни попадя, могла представляться армией добровольцев. Грязный сброд. И люди, и чужаки. Одинаково голодные, злые, как черти, и беспощадные, как упыри.

Он наклонился над первым трупом. Выстрелом излучателя хитнику снесло голову, но было ясно, что это – человек. Обыкновенный деревенский мужичок-боровичок. Ватник и разбитые кирзачи. Пальцы, желтые от махорки, все еще сжимали цевье помпового ружья.

Занесло же тебя, Федя или Петя, за тридевять земель...

Плоский череп, вытянутые клювом челюсти, пленка третьего века. Ноги коленями назад. Маленькие трехпалые руки, судорожно прижатые к килеобразной груди. Существо, которое валялось неподалеку от мужичка, было рептилией. Лещинский никогда прежде не встречал разумных ящеров, хотя слухами о них полнился город, чудовищным спрутом раскинувшийся на полконтинента.

Переступив через хвост рептилоида, Лещинский подошел к следующему трупу. Камера на плече гвардейца бесстрастно фиксировала потери противника.

Третий хитник оказался земляком Гарреля.

Лещинский смотрел в безмятежное, длинное лицо мертвеца, на вызолоченные роговые выросты на скулах, и не мог отделаться от ощущения, что это и есть Орхо Со Нон Наррель, высокородный владетель... и кто-то там еще. Разобраться в сословной структуре арсианского общества мог бы, пожалуй, только профессор Сахарнов. Да и то, если бы сидел у себя на кафедре, а не между лавкой скобяных изделий и лупарней бабы Зои.

Что ни говори, а чужаки все на одно лицо...

– Сирень, здесь один из ваших. Не знаешь такого, браза? – Лещинский склонился над мертвым арсианцем.

– Млять! – совсем по-человечески ругнулся Гаррель. – Ну все, с Корсиканца – простава. Догадываешься, Мак, кого мы завалили?

– Есть версии, – отозвался Лещинский.

Что ж, выходит, он не ошибся. Сегодня под заградительный огонь излучателей попал командир самого лихого и безбашенного бандформирования побережья. Высокородный владетель... и что-то там еще.

Это на Арсиане покойный Орхо Со Нон Наррель чем-то высокородно владел, носил тогу с алым кантом и заседал в палате лордов. Здесь же он стал главарем хитников: своры налетчиков, убийц и террористов, не желающих жить по законам Корсиканца. Да и ни по чьим другим законам, включая божеские.

Здесь все поменяли маски. Вынужденно, с болью, с кровью и содранной кожей.

Профессор Сахарнов выменивает на деревянные игрушки еду и обноски. Модельер То Нда Хо Гаррель управляет бронеходом и выжигает хитников, дерзнувших пересечь условную границу скороспелого государства Корсиканца. Бывший студент педуниверса Костя Лещинский тоже водит боевую машину чужаков и ловит недовольных режимом в перекрестье прицела.

Сам же Корсиканец был то ли копом, то ли налоговиком; новоиспеченный диктатор оградил свою земную биографию завесой нарочитой таинственности. Пока он обеспечивал людей защитой, кровом и едой, никого его прошлое не волновало. Скрытничает, рассказывает сказки – значит, есть на то причины. А если кто-то вздумает совать нос куда не следует, за Корсиканца – гвардия. За Корсиканца – ополченцы. За Корсиканца – все люди и

нелюди, живущие от Чумного городища до Парка, от Забора до Космодрома.

– Отойди, Мак, – проскрипел в наушниках голос Гарреля. – Высокородного владельца надлежит хоронить с почестями.

– Работай, Сирень, – отозвался Лещинский. – Я – дальше.

Он поспешно отошел от трупа арсианского лорда. Зашипел огнемет бронехода – Гаррель дал на форсунки полную мощность, спину Лещинского окатило жаром.

Неожиданно пришел в себя карлик-нген. Тот самый хитник, который прятался за грудой битого кирпича, где его и поджарил Гаррель. Нген заперхал, забил по земле обгоревшими ручками-ножками. Лещинский склонился над ним, ощущая тошноту: сильно уж досталось недомерку, человек или арсианец с такими ожогами давно бы отправился на тот свет.

– ...кара с неба на наши-ваши голова... – прохрипел карлик. – Шло сказаться Корсиканцу... Долбаные уроды, зачем оно палить?..

Слова карлика заинтересовали Лещинского.

– Что сказать? Зачем вашу шайку сюда принесло? – торопливо спросил он.

Карлик облизнул растрескавшимся языком покрытые волдырями губы, а затем быстро-быстро затараторил на языке нгенов. Лещинский чертыхнулся, но раненого прерывать не стал: он надеялся, что толмачи Корсиканца смогут разобрать слова на записи, которую продолжала вести камера. К тому же коротышка мог отключиться в любой момент, пусть говорит, пока говорится...

Тиарада нгена оборвалась, агония заставила карлика выгнуться дугой так, что затрещали кости. Лещинский попятился: с этого взять больше было нечего. Кто там еще остался?

Птичник – долговязое голенастое создание, похожее на скудно оперенного пингвина, – был пронзен ржавой арматурой и вызывал неуместные ассоциации с шашлыком, которого Лещинский не ел уже черт знает сколько времени. Гвардеец сплюнул и пошел дальше.

Живых больше не было.

Люди, арсианцы, нгены, рептилоиды, птичники – не имело значения. В хитники рекрутировалось разное отребье: гангстеры, уголовники всех мастей и со всех краев. Они брали, что плохо лежит. Отнимали у невольных колонистов самое необходимое, то малое, что удавалось добыть среди руин. Хитников ненавидели и боялись, но ненавидели все-таки больше. И Лещинский не испытывал угрызений совести, глядя на скорчившиеся от адского жара тела.

– Ополченцы, Мак! – предупредил Гаррель.

– Понял тебя, Сирень.

Перепрыгивая через трупы, Лещинский направился к своему бронеходу.

Крысиный пустырь ожил, зашевелился. Ополченцы валили нестройной толпой, с гиканьем и прибаутками на разных языках. Предвкушали.

Мешать им не стоило.

Лещинский взобрался в кабину, устроился в кресле, взялся за рычаги управления.

Не стесняясь присутствия гвардейцев, ополченцы деловито мародерствовали, грабя мертвецов. Находились любители запечатлеть это славное деяние. Водрузить ногу на труп врага. Щербато улыбнуться в объектив старенького цифрового фотоаппарата. И снова – грабить.

У Лещинского это зрелище вызывало нервный тик. Гопники ему осточертели еще дома, но там у него не было под рукой бронехода. Пальцы невольно сжались на гашетке бортового излучателя.

– Мак, Сирень, – взволнованно заговорил Польшин. – Наблюдаю горячий торнадо. Направление юг – запад.

Мысленно поблагодарив друга, Лещинский отпустил гашетку, притянул «фонарь». Звонко щелкнули замки. Завыли, разогреваясь, турбины. С лязганьем переступили металлические лапы.

– Уходим, Мак!

Бронеход Гарреля двинулся к окраине пустыря, но Лещинский медлил.

С горячими торнадо не шутят. Словно пламенный перст вонзается в городские кварталы, вычерчивая прихотливую кривую, уничтожая все, что попадает на пути – живое и неживое. Это орбитальная мазерная установка, некогда точно ориентированная на зеркала приемных станций Солнечного залива, из-за гравитационных возмущений теряет настройку и начинает хлестать по жилому поясу. Луч мазера не толще вязальной спицы, но раскаленный воздух завивается вокруг него исполинским вихрем, сметая обветшалые городские постройки и жалкие лачуги беднейших из подданных Корсиканца.

Лещинский включил «матюгальник».

– Ополченцы, внимание! – объявил он. – Приближается горячий торнадо! Немедленно расходитесь!

Ополченцы нехотя оторвались от излюбленного занятия. Они озирались, почесывались и хлопали зенками. Те, кто успел нагрузиться трофеями, потянулись к Чумному городищу, отделенному от Крысиного пустыря мелководным проливом, который именовался Канавой.

Первые порывы ветра – предвестники горячего торнадо – подхватили мусор, хлопья сажи закружились черной метелью. И это проняло остальных. Мародеры подхватились, ринулись кто куда, отпихивая друг дружку. Самые сообразительные попытались ухватиться за ходовое шасси бронехода, и Лещинскому пришлось покрутить турелями излучателей для остротки.

Ветер крепчал. Ухудшилась видимость. Лещинский зажег фары и двинулся вслед за бронеходом Гарреля, силуэт которого маячил в трехстах метрах впереди.

– Мак, Сирень! – донесся сквозь нарастающий треск помех голос Тюльпана. – Машина плохо слушается. Ухожу на базу!

– Счастливо, Герка! – прокричал Лещинский, стискивая рубчатые рукояти рычагов.

Пересекая относительно ровные места, перебираясь через завалы, перепрыгивая ямы, вздрагивая на ходу, многотонная боевая машина мчалась через пустырь. Снаружи царила непроглядная мгла. Лучи фар освещали лишь мусорную кутерьму. Приходилось полагаться на радар, но и он врал. Бронеход едва не наткнулся на опору разрушенного магистрального волновода. В эфире трещало и завывало. Лещинский потерял всякое представление о направлении движения. Стало ясно, что до базы ему не добраться.

Лещинский остановил машину. Судя по приборам, бронеход отшагал три километра. И если учесть, что волновод он миновал минут десять назад, значит, вскоре должна была показаться Канава. Если спуститься к воде, под защиту гранитных откосов набережной, появится шанс пересидеть бурю.

В кабине бронехода было темно, только матово светился приборный дисплей. Поэтому серебристое сияние, проникшее через стекло «фонаря», показалось Лещинскому ослепительно ярким.

Пламенный перст приближался. Оранжево-черный вихрь обвивался вокруг раскаленной струны.

Лещинский медленно потянул рычаги на себя. Как ни странно, всеуничтожающий луч помог ему. На взбудораженную гладь пролива легла огнистая дорожка. Выключив фары, Лещинский смог различить проломы в парапете набережной и лестницу, плавно спускающуюся к воде. Короткими рывками, балансируя на трех лапах, бронеход придвинулся к лестнице. Теперь все зависело от водительского искусства Лещинского. Малейшая ошибка и...

Ошибка не понадобилась. Едва бронеход нащупал передним шасси первую ступеньку, что-то со страшной силой ударило по корпусу сзади. Тяжелая боевая машина потеряла равновесие и опрокинулась, беспомощно взмахнув раскоряченными лапами. Огненный шквал – смесь энергии, дыма и водяного пара – вспахал набережную всего в нескольких метрах от поверженного бронехода и покатился дальше.

Корсиканец видел Корсику разве что по телевизору или на фото в туристических проспектах.

Он был ньюйоркцем русского происхождения, звали его Фредом Вельяновым. Корсиканец говорил на нескольких языках, включая языки чужаков, а когда в гневе ему не хватало слов, то бил собеседника без замаха маленьким острым кулачком точно в солнечное сплетение.

Поначалу Корсиканца называли Наполеоном, но поскольку намек на несоответствие роста величине амбиций был слишком толстым, а авторитет лидера не позволял уже зубоскалить открыто, постепенно в обиход вошло второе, более обтекаемое прозвище.

Корсиканец был коренастым лысоватым человеком сорока с лишним лет с невыразительным, незапоминающимся лицом, широченной шеей тяжелоатлета и длинными, почти до колен, жилистыми руками, пальцы на которых почти всегда были сжаты в предвкушении драки.

Не гонясь за роскошью, Корсиканец обычно носил полевой комбез цвета хаки с кобурой на поясе. Из кобуры торчала посеребренная рукоять армейской «беретты».

– Что мы имеем? – прогудел он ровным тоном. – А имеем мы один выведенный из строя бронеход и одного выжившего гвардейца. Можно сказать, легко отделались.

Лещинский, Польшов и Гаррель стояли перед Корсиканцем навтыжку. Они не знали, что такое муштра, но все как-то получалось само собою. Недаром из сотен желающих оказаться в гвардии Корсиканец отобрал по ведомым лишь ему признакам три дюжины таких молодцов, как они.

Сам же Корсиканец сидел, скрестив на груди руки, на краешке заваленного бумагами стола. Завибрировал один из телефонов и плавно поднялся в воздух. Вельянов бросил взгляд на мерцающий дисплей и отменил вызов, прижав указательным пальцем терминал к стопке бумаг.

– Фред, в меня всадили противотанковую, – сообщил Лещинский, поскольку понял, что Корсиканец ждет от него объяснений. – Дождались, когда машина окажется в неустойчивом положении, и приложили из РПГ. Какой-то хитник или просто местная сволочь и вредитель.

Корсиканец перевел взгляд на Гарреля.

– Я потерял Костю, – пробубнил тот, удрученно глядя на плохо застиранное кровавое пятно на ковре. – Видимость была – метра три, не больше. Радар ослеп, связь накрылась.

– Поддержку с воздуха оказать не мог, – в свою очередь покаялся Польшов. – Остался бы я в небе, недосчитались бы и флаера.

Корсиканец поджал губы и несколько раз кивнул.

– Формально претензий к вашему подразделению быть не может, – он поморщился. – Горячее торнадо, как воля божья – неотвратимо и непредсказуемо, ничего с ним не поделаешь. Но, черт возьми, потеря бронехода – это брешь в обороне. Пять машин были на ходу, так? Одна с самого начала барахлила, я перевел ее в резерв. Одну мы потеряли в первом же бою: тогда мы были совсем желторотыми, и нам нужно было научиться воевать. И вот теперь – минус еще бронеход. Получается, оставшаяся пара должна находиться на боевом дежурстве круглосуточно, так, что ли?

Не дождавшись ответа, Корсиканец продолжил:

– Наподдам под зад инженерам, пусть приводят в порядок резервный бронеход. Но вы ведь знаете этих нытиков, заладят свое: «техника чужих то... техника чужих се...» Пострелял бы дармоедов, и сам бы все сделал. Костефан! – Корсиканец сурово поглядел на Лещинского. – Тебя, дружбанчик, я наказать обязан. Ну-ну, не дергай глазом, я сделаю это аккуратно... – Он кисло усмехнулся. – Откомандирую тебя на недельку к Данеляну в «колбасный цех». Пара крепких рук там всегда пригодится. Что Данелян скажет, то и будешь делать, понял?

– Понял, Фред! – с готовностью отозвался Лещинский. В «колбасном цеху», конечно, что в авгиевых конюшнях. И еще осаждающие завод попрошайки и воришки... Но Корсиканец был волен наказать проштрафившегося гвардейца как ему заблагорассудится. Поэтому стоило поскорее исчезнуть с глаз долой и приступить к работе, на которую расщедрится Данелян. Данелян, кстати, не идиот. Он не станет приказывать гвардейцу кидать лопатой дерьмо.

– Ладно. Ты, – кивок в сторону Лещинского, – дуй в «колбасный цех». Прочий гербарий, – скупой жест, точно Корсиканец стеснялся обезьяньей длины своих рук, – свободен, служите дальше. Я потом подумаю, как подкорректировать состав патрулей и график.

Гвардейцы гуськом направились к выходу. Лишь оказавшись во дворе Управления Колонией, окруженном укропными деревьями, они смогли перевести дух. Лещинский сунул в губы пустую трубку, Польшов мелко перекрестился, а Гаррель вышел на солнце, и, обратив к красно-оранжевому диску нечеловеческую физиономию, что-то быстро прошептал.

Над зданием Управления – кособоким цилиндром из железа и бетона, увитым местным золотистым плющом – пролетел флаер, и Лещинский с Польшовым тоже задрали головы.

– Шурик почапал, – зажмурил один глаз, прокомментировал Польшов. – Будет с кем перекинуться в преферанс.

Взгляд Лещинского скользнул по потрепанной летающей машине, устремился выше. Небо этого мира по-прежнему действовало на него гипнотически.

Дуга Кольца, прозванная Чертовым Коромыслом, соединяет восток с западом. Днем оно похоже на лезвие сабли. На закате дуга наливается красным, словно кто-то успел обагрить саблю кровью. А ночью Кольцо сверкает пепельным серебром отраженного света. Когда над горизонтом восходят обе луны, Коромысло затмевает их по очереди. Становится видно, что дуга не сплошная, а состоит из множества тоненьких полуколечек, концентрически вложенных одно в другое и вращающихся с разной скоростью: те, что ближе к поверхности планеты – быстрее, те, что дальше – медленнее. Правда, разглядеть это вращение можно лишь в сильный бинокль. Лещинский, бывало, часами следил, как текут серебристые дугообразные струйки над темными изломами городских крыш, и не в силах был отвести глаз. Сейчас солнце приближалось к внешнему краю Кольца. Вот-вот должно было начаться Полосатое затмение.

– Ладно, други, – сказал Польшов. – Кто куда, а я к Никитичне. У нее, говорят, свежие стрекозки появились. Они, понятно, сейчас ни на что не годны, но в перспективе...

Гвардейцы заржали.

– Чего ржете? – обиделся Польшов. – По штатному расписанию на мне инструктаж новичков по правилам безопасности!

– Откуда стрекозки-то взялись? – осведомился Лещинский.

– Вчерашним торнадо принесло.

– Как это?

– А-а, – отмахнулся Польнов. – У него вот спроси. Пошел я.

Пилот ткнул кулаком в спину неподвижного, как изваяние, Гарреля, и нырнул в тень укропных деревьев.

– Фаги любят бурю, – произнес Гаррель, не оборачиваясь. – Ребята говорят, вчера у завода проклюнулся. Полчаса выворачивался... Выплюнул партию девок, засосал трех побирушек...

То Нда Хо Гаррель осекся. Стиснул до хруста правую пятерню, словно раздавил что-то.

Лещинский его понимал. У него тоже от воспоминаний о фаге челюсти сводило. Чувство запоздалой ярости и обиды нахлынуло тяжелой волной. Ты живешь своей жизнью, строишь планы на будущее, стремишься к чему-то, и вдруг на твоём пути появляется этакая розовая с муаром, покрытая слизью гадость, которая выворачивается тебе навстречу, будто желудок морской звезды, обступает со всех сторон, душит невыразимой вонью, от которой мутится рассудок. И ты вместо того, чтобы бежать без оглядки, покорно плетешься ей навстречу. Ни дать ни взять – зомби. А потом, полуслепший, почти бездыханный, вываливаешься непонятно где. На другой планете! Нормально, да? Безоружный, как попало одетый, ничего не понимающий, обреченный.

Лещинскому повезло. Почти сразу на него наткнулся Гаррель. Высокий, костлявый, с горящими желтыми зрачками, одетый в черную, развевающуюся на ветру хламиду, – он, как демон, налетел на шайку грязных уродов, которые окружили еле живого студента. Сквозь мутную пелену перед глазами Лещинский едва различал, что происходит. Мелькала, словно воронье крыло, хламида странного незнакомца, в горячем пыльном воздухе стоял мат-перемат и проклятия на незнакомых москвичу языках. Потом – крики боли. Топот убегающих. И все стихло. Когда муть развеялась, Лещинский увидел одинокую фигуру костлявого: тот с надменным видом опирался на увесистую сучковатую дубину. Так состоялось знакомство бывшего студента Кости Лещинского с бывшим модельером То Нда Хо Гаррелем.

– Пойду служить, – сказал Гаррель. – Удачи тебе, брза. Данеляну намекни: будет обижать гвардию, не сможет ходить в лупарню. Незачем будет.

Арсианец подмигнул Лещинскому и разразился хриплым уханьем.

Лещинский поплелся отбывать наказание.

Вовсе не резиденция Корсиканца – сердце Колонии. Сердце Колонии – завод. Для чего он был построен аборигенами, никто не знал, да и не интересовался. Главное, что завод производил пищу. Биомассу коричневатого цвета, по виду напоминающую сырокопченую колбасу, по запаху – сельдерей, а по вкусу – дерьмо. Но это дерьмо было единственным источником пропитания на всю округу. От Управления до Грязного порта, от Чумного городища до Космодрома. Завод кормил ораву, достигающую в лучшие годы десяти тысяч особей. На нем держалась власть Корсиканца, благополучие немногих приближенных и жалкое существование всех остальных. Банды хитников совершали регулярные набеги с единственной целью: отбить у колонистов завод. Корсиканец понимал, чем это лично грозит ему, поэтому помешался на обороне. Благодаря его недюжинной энергии и смекалке удалось отыскать в ангарах Космодрома шагающие боевые механизмы, названные бронеходами, наладить производство огнеметов и подзарядку излучателей, превратить вчерашних студентов, модельеров, садовников и существ неопределенного рода занятий в боевую

гвардию, а толпу нахлебников – в ополчение. Много времени и сил Корсиканец тратил и на сам завод, благо производство «колбасы» – безотходное, ведь технология его такова, что ничего не стоило одно дерьмо превращать в другое, только – съедобное.

Сразу за зданием Управления начинались жилые кварталы, где обитала привилегированная публика. Чиновники, гвардейцы, инженеры и их семьи. Дома в этой части города были относительно чистыми. Здесь работали водопровод и канализация, имелось электричество. Энергию давал реактор завода. Воду закачивали из скважин, использованную сливали в море.

Был тихий, безветренный полдень. Многие окна были открыты. На балконах сушилось белье. Звучала музыка. Для человеческого уха эти звуки были лишены гармонии и ритма. Похоже, кому-то из жителей «повезло» активировать «болтушку», отдаленный аналог земного телевидения. В комнате Лещинского тоже была «болтушка» – полусферическая ниша в стене, которая иногда, ни с того ни с сего, начинала звучать и мелькать объемными, цветными картинками, опять же – лишенными, с человеческой точки зрения, смысла.

Впрочем, в домах было много странных вещей. Чего только стоили «привидения», которые поначалу очень пугали новичков. Неосвязаемые прозрачные фигуры со сложной внутренней структурой появлялись либо рано утром, либо поздней ночью. Профессор Сахарнов утверждал, что «привидения» – нечто вроде бродячих дисплеев, подключенных к местному Интернету. И в самом деле, стоило сосредоточить взгляд на «привидении», как в его структуре начинали происходить едва заметные изменения. Заводские инженеры пробовали экспериментировать с «привидениями», ведь в цехах их было полным-полно, но вскоре выяснили, что вмешательство мыслей чужаков ни к чему хорошему не приведет. В производственном процессе начинались сбои, и «колбаса» получалась испорченной. Прослышав об этих экспериментах, Корсиканец разозлился и приказал инженерам дегустировать каждую новую партию продукции.

Тесная улочка вливалась в широкую площадь перед воротами завода. Здесь собирались все, кому было нечего делать. Домохозяйки всех возрастов и рас судачили на лавочках в тени укропных деревьев. Наверное, сетовали на мужей и делились маленькими секретами. Их дети возились тут же, в пыли. Мальчишки ловили «вечные обручи», которые катились сами по себе. Суть игры заключалась в том, чтобы поймать такой обруч и как можно дольше не давать ему двигаться. Девчонки наряжали самодельных кукол, баюкали и напевали им колыбельные. Отцы семейств коротали время за кружечкой-другой грибной настойки, они резались в карты или в иные азартные игры, изобретенные под нездешними солнцами.

Идиллия.

Лещинского узнавали. Громко здоровались. Предлагали опрокинуть кружечку, перекинуться в буру, отслоить кальпу. Но Лещинский только отмахивался. Корсиканец вполне мог позвонить Данеляну и уточнить, прибыл ли проштрафившийся гвардеец к новому месту службы. Дотошный...

Давняя неприязнь всколыхнулась в Лещинском.

В первые дни все вокруг казалось диким сном: Кольцо в небе, две луны по ночам, чужой непонятный город – вернее, инопланетные руины, населенные самым невероятным сбродом, наполовину состоящим из людей, а наполовину – из созданий, как будто сбежавших из компьютерной игрушки. И всем этим странным миром правил малорослый, говорливый, снисходительный мужик – жестко правил, но вроде бы справедливо. Поначалу Лещинский преклонялся перед ним, но те времена давно миновали. И дело было не только в

интеллигентском неприятии всякой диктатуры. Со временем Лещинский стал подозревать, что Корсиканец по-настоящему заботится только об одном существе во всей Вселенной, а именно – о Фреде Вельянове.

Судьба Аркадия Семеновича Сахарнова окончательно укрепила Лещинского в этом подозрении.

Оранжевый зрачок солнца мигнул. На миг стало прохладно, но потом опять включили зной. По пыльной площади побежали тени, словно спицы гигантского колеса. Сумрак. Свет. Сумрак. Свет. Прохлада. Зной. Прохлада. Зной. Сорванцы всех рас дружно завопили и пустились наперегонки с тенями. Взрослые смотрели на них и благодушно ухмылялись. Полосатое затмение было одной из любимых подданными Корсиканца диковинок этой планеты.

Профессор Сахарнов поначалу был у Корсиканца на хорошем счету.

Фред Вельянов приказал гвардейцам и ополченцам разыскать всех, кто имел отношение к науке. Гарантировав ученым защиту и обильный паек, он поручил выяснить, что за хренотень вообще происходит, почему они оказались в вымершем городе на чужой планете.

Доктор Уильямс из Массачусетского технологического университета и доктор Агванг из Института онкологии и медицинской радиологии Йоханнесбурга занимались проблемой фагов. Несколько импровизированных научных групп изучали методом тыка местную технику и городскую инфраструктуру. Сахарнов получил задание расследовать причину исчезновения аборигенов и по возможности связать это явление с фагами. Декан философского факультета звал Лещинского в помощники, но Константин решил забраться в гвардейцы. Прошли времена «Сталкера» и «ВКонтакте», больше не просиживать ему штаны в аудитории и не гонять «на спор» ночами по проклятому кладбищу. Лещинский посчитал, что он может принести больше пользы, охраняя Колонию от головорезов-хитников, и Корсиканец одобрил его выбор. Тем не менее Лещинский и Сахарнов поддерживали дружбу, насколько это было возможно. Позднее статус Лещинского повысился, а вот профессор оказался на дне. Дело в том, что Сахарнов в первое время продолжал ощущать себя руководителем. Перед Корсиканцем он ходил гоголем и открыто критиковал того за жестокость мер и авторитарный метод правления. Когда же Корсиканец потребовал, чтобы Сахарнов предъявил результаты своей работы, профессор лишь фыркнул да развел руками. За что был обозван «гунявым либерастом» и изгнан в Чумное городище без права на паек.

Лещинский навещался к профессору с бутылкой грибной настойки и «тройными стейками» – лучшей едой, которую можно было раздобыть во владениях Корсиканца. Делал он это нечасто, поскольку свободного времени было мало, к тому же Оксанка всякий раз надувала губы, когда Лещинский намыливался с гостинцами в Чумное городище. Она считала, что ее красавец гвардеец непременно направится к бабе Зое, в ночные посиделки с профессором она не верила. Составить сожителю компанию Оксанка отказывалась, потому что до белых глаз боялась смрадной окраины, где были зверски убиты ее братья в первый же час пребывания под Чертовым Коромыслом.

– Что мы знаем об аборигенах... – благодушно рассуждал профессор, глядя на пылающую в небесах арку; ночной темноты в понимании землянина в этом мире не существовало. – Они были гуманоидами с соотносимой антропометрией и биохимией. Мы носим их одежду, мы пользуемся их утварью, мы едим их биомассу, если она, конечно, не играла роли органического удобрения, поскольку на вкус похожа на компост. Да, наше понимание прекрасного серьезно разнится. Так ведь, например, и меня тошнит от шансона и русского рэпа, хотя для многих моих соотечественников подобная, упаси господи, музыка – как бальзам на душу. Поэтому я предполагаю, что существенных различий между людьми и аборигенами этого мира нет. Вам ведь знаком принцип антропоцентризма? Человек – центр мироздания. Это воззрение ненаучно, но я все больше убеждаюсь в его применимости. Причина исчезновения аборигенов? Пожалуйста. По какой причине однажды может исчезнуть человечество? Эпидемия, вызванная вирусом-мутантом? Всеобщий исход в иномировые колонии? Демографический кризис? Высокая смертность, особенно – в детском возрасте?

– И засилье корейской поп-музыки, – добавил Лещинский.

– Безусловно... Так что при желании можно назвать уйму причин. Выбирай любую, и нашему лысому зубасту такому обоснования хватит за глаза. Не это – главная загадка пустынного мира. Главная загадка, друг мой, в другом... Они исчезли, точно их никогда и не было, – профессор показал узловатым пальцем в сторону безлюдных, неосвоенных кварталов буферной зоны, Лещинский расслышал в голосе Аркадия Семеновича нотки иррационального, мистического страха. – И вместе с ними исчезли все рисунки, картины, гравюры, статуи: все то, что помогло бы нам реконструировать их облик.

– Хм, – только смог выдать Лещинский.

...У ворот завода дежурила пятерка вооруженных ручными излучателями гвардейцев. В комбезах с наплечниками и наколенниками, в тяжелых шлемах: никто не роптал на жару или неудобство. Каждый знал, что затишье в мире Чертова Коромысла обманчиво. Хитники пробираются крысиными норами, чтобы напасть исподтишка. Законопачиваешь одну дыру, в другом месте появляется вторая. Среди местных хватает лихого люда, который использует каждую заварушку, чтобы урвать, ухватить, пустить кровь. «Колбасный цех» многим не давал покоя, как говорится – видит око, да зуб неймет. Такое себе Кольцо Всевластия, надетое на палец пологой возвышенности.

– К Данеляну. Распоряжение Корсиканца, – объявил Лещинский парням, пожимая им по очереди руки.

Сержант связался с начальником службы безопасности, Лещинскому пришлось какое-то время подождать у раскаленной полуденным солнцем стены. От железа веяло зноем, над площадью колыхалось марево. Из открытых ворот тянуло сельдереем.

Вскоре в проеме появилась коренастая фигура человека в штатском. Гвардейцы приосанились: пожаловал сам директор Гриша Данелян – со скоросшивателем под мышкой и с очками на затылке. Весь деловой и озабоченный.

– Константин, кажется? – уточнил он, ткнув в сторону Лещинского пальцем, на котором не хватало одной фаланги. – Ну, идем. Чего стоять на пороге...

Лещинский проследовал за директором во двор. Запах сельдерея стал сильнее.

Вагончики из рифленого металла выстроились в ряд, их очертания были нечеткими из-за жаркой дрожи воздуха. В вагончиках до и после смены переодевались и принимали душ рабочие. Возле входа в заводской корпус, под бетонной аркой портала, возвышался шагающий транспорт – машина, вроде бронехода, только вместо пилонов с излучателями и огнеметами по бокам у нее были два контейнера, загруженные сейчас продукцией «колбасного цеха». Транспорт принадлежал службе доставки и распределения Колонии – еще одной одиозной структуры, учрежденной Корсиканцем. Шагающую машину также сопровождала пятерка гвардейцев, а иначе было нельзя, иначе транспорт разобрали бы по винтику прежде, чем он дотопал бы до ближайшего продовольственного склада. Такое уже случалось.

Данелян не повел нового подопечного в «цех», а поманил укороченным пальцем под навес, собранный из арматуры и металлопрофиля. Там была застеленная дырявым одеялом скамейка и сколоченный из деревянных ящиков стол, чтобы рабочие в обеденный перерыв могли перекинуться в карты.

– Мне звонил Фред, – сообщил Данелян. Он уселся на скамью, опустил очки на нос, пылливо посмотрел сквозь стекла на Лещинского. – Он сказал, что тебе можно доверять, Костя.

– Раз Фред сказал, значит, так и есть, – ответил Лещинский, глядя, как через двор от

заводского корпуса к воротам бредет, переваливаясь с боку на бок, птичник в фартуке, резиновых перчатках на оперенных руках и с пенсне на клюве. Птичник нес таз, накрытый грязными полотенцами. В тазу были мясные обрезки, которые он собирался отдать побирушкам.

– Ну, хорошо, – Данелян надул щеки, раскрыл скоросшиватель, перелистнул несколько страниц, исписанных мелким почерком. – Мне, конечно, жаль, что тебя, только-только из горящего бронехода, приходится нагружать работой...

– Что поделать, – развел руками Лещинский. – Не одна работа, так другая.

– Правильно, – согласился директор. – Все мы стараемся на благо общества. И там, – Данелян ткнул большим пальцем в небо, точно речь шла о дуге Чертова Коромысла, а не о Земле, – и здесь. Такова уж наша, простых трудяг, страда.

Лещинский понял, что директор ходит вокруг да около, готовит для чего-то почву, и ему стало тоскливо. Снова какие-то интриги, закулисные игры. Казалось бы, группа людей на чужой планете, и необходимо выжить вопреки всему. Но некоторые ведут себя, словно чиновники из администрации какого-нибудь сельского района.

– Устроился нормально? Жена-дети? – продолжил собеседование Данелян.

– Еще нет, но планы строю.

– Правильно, – Данелян снял с затылка огненную тлю, раздавил ее, повертев между подушечками большого и среднего пальцев. – Здесь нужно жить быстро, иначе можно не успеть. Еще быстрее, чем на Земле.

– Да, у всех здесь век короткий. Особенно у гвардейцев, – Лещинскому пришлось повысить голос: ожили турбины грузовика службы доставки, машина с лязгом и скрежетом пошагала к воротам. Запах выхлопных газов перебил назойливый травянистый дух биомассы. Птичнику, который возвращался с пустым тазом, пришлось отпрянуть, вспушив перья, чтобы не оказаться под мерно ступающими шасси.

Данелян поморщился, показал пальцем на волосатое ухо. Затем захлопнул скоросшиватель и потрусил к входу в заводской корпус. Лещинский поплелся следом.

За порогом их встретили «привидения». Было непонятно, откуда они проецируются. Два миража соткались из полумрака и потянулись к Лещинскому, словно псы – к человеку, в надежде, что тот окажется их хозяином. Но Лещинский заставил себя не обращать на них внимания, и «привидения» растаяли.

Директор провел Лещинского в просторный зал. Три вместительных чана с биомассой располагались в центре равносторонним треугольником. Грязно-коричневой дряни было много: она лезла через края, словно тесто. С купола потолка к чанам спускались мелко дрожащие сегментированные трубопроводы. Вокруг чанов расхаживала пара шагающих механизмов с открытыми кабинами. Первый был комбайном: с дисковой пилой на одном манипуляторе и ковшом на другом. Второй шагающий механизм принадлежал к научной разновидности и нес на себе кучу непонятных Лещинскому приборов.

Унылый звук, похожий на гул трансформаторной будки, давил на виски. Это был «голос» биомассы, которая вибрировала всей своей поверхностью.

Появление Данеляна и Лещинского не осталось обойденным вниманием: биомасса выпростала им навстречу ложноножки со светочувствительными глазками.

– Она беспокоится, – заметил Данелян. – Это из-за солнечной активности, ничего страшного.

Лещинский пожал плечами. Чего тут бояться? Огромный кусок живого мяса возится в

резервуарах; не мычит, не стонет, когда комбайн отрезает от него длинные, сочащиеся лимфой, полосы. Крови нет, от растительного запаха кружится голова, но над Крысиным Пустырем разило похлеще.

Приятно удивляло количество биомассы в чанах. Похоже, любимый город мог спать спокойно: голодные бунты ему не грозили.

– Это то, что мы имеем на выходе, – сказал Данелян. – Идем, покажу тебе «приемник» и «отстойник».

Они обошли зал, нырнули в коридор с овальным ребристым сводом. В лица им повеяло сквозняком с запахом канализации.

– Как девушку зовут? – спросил Данелян.

– Оксана.

– Ох... – Глаза его маслянисто заблестели. – Люблю Оксан. Мою первую жену так звали, в Ереване осталась. Свечки за упокой, наверное, теперь ставит... Так, дальше у нас «приемник», наденешь масочку, а?

Директор сдвинул дверцу-гармошку, открыл спрятанную в стене нишу. Покопался внутри и вынул пару противогазов, похожих на маски чумных докторов. Такие бы подошли скорее клювастым птичникам, чем людям.

Лещинский приладил лакированный, пахнувший внутри пылью клюв. Подтянул ремни, чтобы они мягко, но плотно обхватывали по-военному коротко стриженный затылок.

Они прошли через занавешенный плотным целлофаном проем в «отстойник». Там, среди обжитых разноцветными грибками стен, кипела работа. Гопники орудовали лопатами. Весело переругиваясь, они перебрасывали отстоявшуюся жижу в ненасытную плотку «приемника», с которой начинался единый пищеварительный тракт квазиживой системы, производящей биомассу. У аборигенов были насосы, чтобы перекачивать содержимое «отстойника» в «приемник», но сейчас насосы не работали, и инженеры Корсиканца посчитали, что надежнее будет поставить дюжину работяг с лопатами, чем пытаться что-то починить.

– Пойдем, покажу административное крыло, – сказал Данелян, прежде чем у Лещинского возникло опасение, что сейчас и ему выдадут лопату.

Они снова вернулись в коридор, свернули в узкое, скудно освещенное ответвление и взобрались по крутой лестнице на второй этаж.

Лещинский невольно выругался.

Биомасса стелилась по полу коридора, влажно сверкала светочувствительными глазками на стебельках, лениво выпускала ложноножки и втягивала их в волнообразном движении. Биомасса выпирала из вентиляционных портов, из боковых коридоров, из дверных проемов. Биомасса формировала жгутики и ощупывала ими потолок.

– А что это у вас за беспорядок?.. – выдавил ошеломленный Лещинский.

Данелян хмыкнул.

– Чертовщина какая-то, – он перетянул очки с носа на лоб, потер переносицу. – Ведь никто толком не знает, как завод работает. Она разрастается и разрастается. Заполнила, зараза, почти весь внутренний объем корпуса. То, что ты видел на выходе в чанах – лишь вершина айсберга. А так она давно вырвалась на свободу. Но пока, к счастью, в границах завода.

Единственное, что Лещинский сумел понять сразу, – еды в Колонии, оказывается, раз в сто больше, чем он предполагал.

– М-да... – Данелян огляделся. – Комбайн сюда подняться не может. Поэтому мы вручную пилим-режем и отправляем мясо обратно в «приемник».

Лещинский решил, что ослышался.

– Куда-куда? Обратно в «приемник»?

– Ага, – Данелян потянулся к ложноножке, что слепо шарил в воздухе, высунувшись из вентиляционного порта. Ложноножка пугливо отпрянула, выпустила сквозь мембрану, заменяющую ей кожу, пенистую жидкость. – Но поедая само себя, оно растет еще быстрее. Замкнутый круг. Так что твои инструменты – тележка да мачете. Рубишь, грузишь, отвозишь и сбрасываешь в «приемник». Но не сейчас, а позднее – когда уйдут те.

– Те? – Данелян явно имел в виду гопников с лопатами. Лещинский окончательно опешил. – Они не знают, что творится у них над головами?

– Об этом мало кто знает, – пояснил Данелян. – Но ты ведь гвардеец, ты не сболтнешь.

– Я-то не сболтну! – От волнения Лещинский повысил голос. – Но это ведь еда! Зачем ее утилизировать? Раздайте жителям Колонии! В Чумном городище за «тройной стейк» горло перережут! Молодые девчонки продают себя, чтобы прокормиться! Хитники достали уже! Дайте им еды, они от нас и отцепятся!

Данелян поморщился.

– В том-то и дело, друг мой. В том-то и дело.

– В чем?!

– Продукция завода выступает в Колонии всеобщим эквивалентом. Проще говоря – деньгами. Что случится, если печатный станок запустить на полную мощность? Бедных не станет? Нет, дружище, – богатых не станет. Потому что деньги потеряют ценность. Вот и мы не имеем права раздарить излишки сброду с окраин.

– Так то – деньги, а это – всего лишь склизкая гадость, которую и мясом с натяжкой можно назвать.

Данелян нахмурился. По его физиономии было видно, что ему не хочется продолжать препирательства.

– Корсиканец сказал, что на тебя можно положиться... – обиженно пробубнил он.

– Так точно, – хмуро подтвердил Лещинский.

Лещинский кивнул ополченцу, который дежурил в подъезде, и поднялся на второй этаж. Было уже поздно. Все спали. Лещинский медленно шел мимо ряда одинаковых дверей вдоль длинного, прихотливо изогнутого коридора, прислушиваясь к странной, словно нежилой, тишине. Не верилось, что за каждой дверью – человеческая семья, или брачный альянс арсианцев, или гнездовье птичников, или кубло нгенов. Звукоизоляция в здании, приспособленном под семейную общагу, была идеальной. Профессор Сахарнов считал, что ряд строений, примыкающих к заводу, предназначался аборигенами для чего угодно, но только не для жилья. Лещинский не спорил, хотя трудно было представить, с какой еще целью можно выстроить сотни одинаковых комнат с нишами «телевизоров», раковинообразными закутками «санузлов». Правда, этими «удобствами» все и ограничивалось. Остальное сделали новые жильцы. Наташили тряпья, наставили самодельной мебели, приспособили электроплитки и прочие кустарные бытовые приборы к контактной сети дома. На овальных окнах появились занавески и жалюзи. Днем в общаге непрерывно шелкали двери, по коридору носилась детвора, пахло жаренной на растительном масле «колбасой», но ночью казалось, что пришельцы исчезли и дом вернул себе былое назначение.

Из-за поворота выплыло «привидение». Лещинский замер. Может, обойдется? Вваливаться в комнату к Оксанке в компании «привидения» не хотелось. Оксанка их до смерти боится. Спрашивается, чего бояться? «Привидения» – самое безобидное, что есть под Чертовым Коромыслом. Безобиднее даже «вечных обручей», с которыми пацаны играют. Наверное, это у нее инстинктивное, вроде боязни мышей.

«Привидение» вяло, будто его волокло сквозняком, приближалось.

Лещинский мысленно взмолился:

«Давай, давай... дуй мимо... Не нужен я тебе... Ничего я в тебе не понимаю... Да и не хочу понимать... Иди, ищи своих хозяев... Если найдешь...»

Внутри туманного образа возникло что-то вроде серебристой спирали. Лещинский затаил дыхание. Если профессор прав и эта хрень действительно реагирует на человеческие мысли, то лучше о ней не думать. И не смотреть на нее.

Лещинский закрыл глаза и стал представлять, как разбудит сейчас дрыхнущую Оксанку. Как она поначалу станет отбиваться, советовать пойти к бабе Зое, а потом, словно нехотя, позволит себя поцеловать в шею, в плечо, и только потом подставит полураскрытые губы.

Оксанка чем-то напоминала Лорку Емельянову. Пожалуй, своей утрированной женственностью. Лещинский и не подозревал раньше, что ему нравятся такие. Давнее, почти детское еще влечение к подружке Валерки Смирнова осталось там, на Земле. С тех пор бывший студент Московского педагогического университета во всех смыслах потерял невинность – в Колонии ему не приходилось жаловаться на недостаток женского внимания. Причем заслуги самого Лещинского в этом не было никакой. Дам привлекало его гвардейское звание и привилегированное положение в Колонии. На гвардейцев зарились даже долговязые арсианки и карлицы-нгенки. Лещинский знал, что многие его сослуживцы из людей не прочь были отведать такой экзотики, но ему чужачки казались не привлекательнее крокодилых самок.

Оксанка – другое дело. Он отбил ее у шайки побирушек на свалке за Чумным городищем.

Гопники убили младших Оксанкиных братьев и собирались пустить девушку по кругу, здесь же, рядом с неостывшими еще телами мальчишек. К счастью, Корсиканцу в тот день взбрело устроить учения. И бронеход Лещинского оказался неподалеку от места преступления. Оборзевшие побирушки пробовали огрызаться. У одного оказалась даже базука, правда, он не успел ею воспользоваться. Лещинский положил их всех на месте. Девушку в изодранном платье он перенес в кабину бронехода. А трупы – сжег.

Ясноглазая харьковчанка оказалась непохожей ни на одну из женщин Колонии. Они не виделись примерно неделю. Девушка приходила в себя в приюте для новичков, где за главного была Глафира Никитична Холодова, в прошлой жизни – начмед реабилитационного центра. Придя в себя, Оксанка пожелала увидеть своего избавителя, но не стала сразу бросаться ему на шею. За что Лещинский был ей искренне благодарен. Ведь ходок из него никакой. Ему вовсе не нравилось скакать из одной постели в другую. Ему хотелось теплых, человеческих отношений, насколько такое возможно в чокнутом мире под Чертовым Коромыслом.

Лещинский открыл глаза: «привидение» сгнуло. Он едва ли не на цыпочках добрался до двери с номером «113» и стилизованным изображением человеческой фигурки. Приложил ладонь к филенке и плавно потянул на себя. Никаких замков и ручек на дверях не было, – комната попросту не пускала того, кого не хотели бы видеть хозяева. Как это работало, черт его знает.

Оксанка спала на деревянной кровати, которую соорудил покойный нген Роро, приятель и собутыльник Сахарнова, утонувший полгода назад в Канаве. Лоскутное одеяло почти сползло на пол, и в мягком свечении контактной сети, заменяющей в комнате люстру, склонное к полноте тело Оксанки выглядело особенно соблазнительным. Лещинский быстро содрал с себя провонявший сельдереем комбинезон, кинулся мыться. Сантехника в доме тоже была с причудами. Никаких тебе кранов и душевых шлангов. Влезаешь в «ракушку». Встаешь голыми пятками в специальные углубления. Наклоняешься, словно на медосмотре у уролога, и давишь ладонями в другие углубления, повыше. И в этот момент из верхней части завитка «ракушки» в твою маковку ударяет струя воды. Жмешь правой ладонью сильнее – вода становится горячей.левой – холоднее. Правой пяткой можно добавить в воду «шампуня», а левой – включить сушилку. Когда привыкнешь, процедура помывки кажется даже приятной. Правда, со стиркой сложнее. Тут приходится действовать сообща. Муж в позе рака подает воду, жена на корточках стирает. Оба голые и мокрые. Весело.

Лещинский вернулся в комнату. Прощлепал влажными ногами к кровати. Наклонился, погладил подругу по розовому плечу.

– Где же ты шлялся, гвардеец кардинала? – совершенно не сонным голосом спросила Оксанка.

– На заводе, – отозвался Лещинский. – Вкальвал, как простой работяга.

– Разжаловали?

– Временно...

Лещинский примостился сбоку, вяло оглаживая девушке теплое бедро.

– Устал? – осведомилась она.

– Немного, лапонька...

Оксанка вздохнула и повернулась к нему лицом. Поцеловала.

– Я тебя ждала, ждала...

– Спешил, как мог...

– Спешил он...

Красным, немигающим оком висело чужое солнце над драконьим хребтом заводской крыши. Его свет превратил голубые занавески на овальном окне в розовые, отчего в комнате стало только уютнее. Лещинский валялся в кровати, сосал пустую трубку, приняхивался. В кастрюльке булькала «колбасная» похлебка. Оксанка в халате на голое тело колдовала над салатом. Птичники устроили в Парке огород и выращивали там овощи, ягоды и зелень. Местная растительность в пищу не годилась – это было установлено после нескольких тяжелых отравлений. На «птичьем» огороде росли те «дары природы», чьи семена и косточки случайно оказались в карманах у людей, в зобных мешочках у птичников, в косицах у арсианцев и в складках жабо у нгенов. Больших урожаев пока добиться не удавалось. Нужно было время, чтобы поставить сельское хозяйство на широкую ногу. Поэтому огородная продукция вносила приятное разнообразие в меню и спасала от цинги, но не могла составить конкуренции «колбасной» валюте. Или этого не хотел Корсиканец? После экскурсии по заводу Лещинский готов был поверить во что угодно.

– Разве это жрачка? – вздохнула Оксанка, постукивая ножом. – Слезы это... Тебя бы к нам, домой... Знаешь, как мама моя готовит? Пальчики не то что оближешь, откусишь...

Лещинский насторожился. Не любил он, когда подружка ударялась в воспоминания. Чаще всего это заканчивалось слезами. Лещинский попробовал отшутиться.

– Ты бы на меня там и не взглянула...

– Ой ли... На такого-то красавца?

– Это я сейчас красавец, а тогда я был типичным лузером.

– Кем-кем? – переспросила Оксанка.

– Лохом серебристым, вот кем...

– Серебристый лох – это, кажется, растение такое...

– Ну, ты даешь... – Лещинский выронил трубку из отвисшей челюсти. – Ты прикалываешься или как?

– Вот еще слово дурацкое, которое меня злит, – отозвалась Оксанка. – И где только ты их понабрался?..

Лещинский поднялся с постели, подошел к подружке, обнял за полные плечи. Заглянул в синие глаза.

– Прости, я не должен забывать, что ты... – Он вовремя спохватился. – В мое время вообще много новых слов появилось, – тихо сказал, отворачиваясь. – Ты бы наш зомбящик посмотрела, половины не поняла бы...

– Зомбящик? – переспросила она. – Это что еще за ужас?!

– Телевизор мы так называли... В твоё время телевизоры были?

– Нет, мы жили в пещерах при свете факелов.

Лещинский чмокнул подругу в носик.

– Не обижайся, зайка. Я пошутил.

Все-таки к этому трудно привыкнуть. На вид Оксанке, Оксане Степановне Романенко, не больше двадцати пяти. Но она точно попала под Чертово Коромысло не из две тысячи тринадцатого года, как Лещинский. Как такое могло случиться? Ответа нет. Ясно было только, что фаги похищают людей не только из настоящего, но из прошлого тоже. И что в этом мире и тем и другим приходится жить бок о бок.

– Дадут мне сегодня жрать? – осведомился Лещинский. – Мне на завод скоро.

– Садись к столу, трудяга, – велела Оксанка.

Лещинский придвинулся к столу вместе стабуреткой. Подружка поставила перед ним глиняную миску, купленную на базаре в Чумном городище. Ароматный пар, хотя в нем не было ни молекулы мясного запаха, разбудил аппетит. Гвардеец с удовольствием запустил ложку в густое варево. Оксанка присела рядом, захрустела огородной зеленью, с любовью глядя на едока.

– Давай поженимся, Костик, – вдруг предложила она.

Лещинский едва не поперхнулся.

– А что? – продолжала подруга. – Корсиканец официально объявит нас мужем и женой, выдаст допнаек на свадьбу. Будем жить, как люди.

– Детей заведем, – в тон ей произнес Лещинский.

– Конечно! – воодушевилась Оксанка, не уловив иронии. – Чем мы хуже других? У Смитов есть дети, у Миядзаки – тоже, даже у Паррелей есть. Я уж молчу о птичниках, те вообще несутся, как куры... Я же здоровая баба, да и у тебя все на месте. Надоело мне быть гвардейской подстилкой, хочу нормальной семейной жизни!

«Все-таки слез сегодня не миновать...» – обреченно подумал Лещинский.

– Послушай, дорогая, – сказал он. – Ну какие здесь могут быть дети! Сама подумай: ни лекарств нормальных, ни детского питания, ни подгузников...

– На подгузники тряпья надерем.

Лещинский усмехнулся.

– Тряпья... – проговорил он. – Не знаешь ты, что такое памперсы... Но дело даже не в них. А набег хитников? А горячие торнадо? Пойми – этот мир давно сошел с ума! Куда подевались аборигены? Чего им тут не жилось, а?

– Ну, подевались, и ладно! Теперь мы тут живем, – парировала Оксанка. – Ты на хорошем счету у Корсиканца. Попросим комнату побольше, такую, как у Паррелей. Не пропадем...

– А вот это не факт!

– Что – не факт?

– Что не пропадем. Ты о фаге позавчерашнем слыхала?

– Ну, слыхала... Никитична в приюте новых девочек выхаживает. Я собиралась сходить к ним, поболтать. Узнать, что сейчас дома носят...

Лещинский жестом прервал ее трескотню. В голосе гвардейца прорезался металл, словно он отдавал команды бронеходному звену, а не разговаривал с любимой женщиной.

– Так вот, милая, – сказал он. – Фаг не только выплюнул девчонок, он еще и троих побирушек заглотил. Где они сейчас – неизвестно! Понимаешь меня?

Подружка смотрела на Лещинского круглыми от ужаса глазами, словно за его спиной возникло «привидение».

– Ты хочешь сказать, Костик, – запинаясь, пробормотала Оксанка, – что ничего еще не кончилось?

– Вот именно! Путешествие в любую минуту может продолжиться, – ответил он. – И полбеда, если только для нас. Представь, если фаг заглотит нашего малыша и выплюнет его, беспомощного, черт знает где...

Оксанка спрятала лицо в ладони. Между пальцами хлынули слезы.

– Я не подозревала, что ты такой жестокий...

– Вот те раз! – опешил Лещинский. – Это я-то – жестокий?!

Подруга отняла руки от зарванного лица.

– Да! Ты! – выкрикнула она. – Ты меня просто не любишь!

Лещинский бросил ложку, подбежал к возлюбленной и прижал ее к груди.

– Ну что ты, малыш... – забормотал он. – Конечно же, я тебя люблю... Но ты сама посуди, разве мы имеем права обрекать ребенка на все это...

Оксанка его не слушала, она уткнулась лицом в согнутый локоть и зарыдала.

Утром Лещинский увидел у ворот завода удвоенный наряд гвардейцев и бронеход. И ни одного побирюшки, ни одного праздного человека или чужака на площади. Лишь ветерок гонял по бетонке разный мусор и мелкую, похожую на чешую, листву укропных деревьев.

Бронеход сделал шаг навстречу Лещинскому. Загудели сервомеханизмы, поднимающие «фонарь». Из кабины помахал Гаррель.

– Герка засек с воздуха хитников, – пояснил он с ходу. – Небольшой отряд: рыл десять. Они проникли в жилую зону и скрылись в техтоннеле на углу Пятой и Ремесленников. Там сейчас работают ополченцы. А мы ждем гостей здесь.

– Ага, – кивнул Лещинский. – Кому куда, бряза, а мне – на завод.

– Отставить – на завод. Корсиканец желает тебя видеть. Он поручил передать, чтобы ты забил на Данеляна и шел в Управление.

– Семь пятниц на неделе, – прокомментировал известие Лещинский, ощущая легкую тревогу: быть может, директор завода донес Корсиканцу, что присланный гвардеец критикует утилизацию излишков продовольствия?

Гаррель, у которого был талант к русской фразеологии и жаргону, заухал в ответ и опустил «фонарь». Лещинский обошел бронеход по кругу, с легкой завистью оглядел сочащиеся свежей смазкой суставы шасси, турбины, подрагивающие от распирающих их лошадиных сил, заплатки на броне, грубо, но крепко прихваченные сваркой: кто знает, доведется ли ему еще управлять стальным монстром. Быть может, теперь он навсегда обречен сражаться в пешем строю.

Лещинский содрал с центрального шасси гнездо паука-прилипалы, – эта дрянь, очевидно, успела прицепиться к бронеходу по дороге через Канаву, – и растоптал. А после, чтобы не маячить перед дулами излучателей, направился в переулок Побирюшек, который тоже оказался необыкновенно пустым и тихим.

В густой тени укропных деревьев дышалось легко, идти этим путем было приятно. В небе таяли луны, становясь прозрачнее и прозрачнее, сияние солнца и дуги Чертова Коромысла, наоборот, набирали яркости, обещая очередной жаркий день. Отчетливо виднелись крупные, негаснущие звезды, которые плыли по небосводу, каждая в свою сторону. Это полыхали отраженным светом поля фотоэлементов орбитальных объектов. Как и город, космические сооружения были брошены на произвол судьбы. Они продолжали кое-как работать, время от времени обрушивая на землю горячие торнадо. Что там творится наверху, точно никто не представлял. Помимо передатчиков энергии, наверняка там были лаборатории и военные станции. Когда все это хозяйство начнет сыпаться на планету, город ждет то еще светопреставление.

Возле Управления Лещинский перевел дух. Постукивая по передним зубам мундштуком трубки, поднялся в приемную. Но секретарь Корсиканца – Дара Ыд Дар Каррель-но – велел или велела гвардейцу подождать. Суффикс «но», добавленный к коренному имени, означал, что дистрофичное существо за секретарским столом еще не определилось со своим полом, что было довольно большой редкостью в его возрасте и определенным признаком инфантилизма. Гаррель говорил, что на Арсиане в модельном бизнесе полно таких неопределившихся.

Лещинский постоял у открытого окна, слушая, как шуршит золотистая листва плюща,

струящегося вдоль стен. Сходил в уборную, попытался поговорить с Каррель-но, но секретарь отвечал односложно, делая вид, что занят перекладыванием бумаг из стопки в стопку.

Но вот, наконец, ожил интерком, и Лещинского пригласили войти.

Корсиканец был не один. Сбоку от стола стоял нген в укороченном полевом комбинезоне. Кабинет пропитался едким запахом пота, присущего этому виду, но ничего тут было не поделать. Арсианцам, например, был омерзителен вид плачущих людей. Жителям Арсианы религия не позволяла предаваться унынию, поскольку верховый бог Шу-Аррель наделил их великим даром – жизнью, и каждый должен был этому радоваться до конца дней.

Разномастным подданным Корсиканца приходилось мириться с видовыми особенностями друг друга, и тем более – приближенным Вельянова. Этот же нген был штабной шишкой.

– Доброе утро, – сдержанно поздоровался Лещинский. – Вызывал, Фред?

– Ага. Доброе. Проходи!

Корсиканец был в благодушном расположении духа. Его слегка одутловатое лицо размякло, глаза блестели. Руки суетливо шарили по письменному столу, не стесняясь своей длины.

Лещинский подошел к столу. Для посетителей Корсиканец стульев не держал, поэтому пришлось стоять, опустив руки по швам.

– Тут некоторые говорят, будто я заставляю гвардейцев снимать мертвых хитников на видео, потому что вид убитых доставляет мне удовольствие, – проговорил Корсиканец с ухмылкой. – Доля правды в этом, конечно, имеется, но только самая незначительная. – Он рассмеялся и потер ладони. – Удалось расшифровать, что рассказал на Крысином пустыре поджаренный нген.

Лещинский покосился на карлика в комбесе. Черные, без белков, глазки штабного сверкнули, но покрытое крупными бородавками лицо осталось безмятежным.

– Нгены говорят на разных языках, – продолжил Корсиканец. – Ты ведь не понимаешь китайский, так? Хотя китайцев полным-полно на Земле. Было, по крайней мере, когда мы там жили.

– Это верно, Фред, – согласился Лещинский.

– Нгенам Ланальюка пришлось проверить чуть ли не каждое кубло, пока они отыскивали земляков погибшего, и вот теперь у меня есть перевод. Хочу тебе сказать, дружище, информация-то оказалась первостепенной важности. Шайка высокородного владельца... как там его?

– Нарреля, – вставил нген.

– Шайка Нарреля где-то выловила аборигена. Настоящего аборигена! Ты представляешь, как им повезло, Костя?

Лещинский представлял. Абориген мог рассказать, что стряслось на этой планете. Не говорит на языке людей? Дело наживное, научится. Абориген – ключ к знаниям исчезнувших обитателей мира Чертова Коромысла: тем, что томятся в роскошных библиотеках, заключенные в миллионах свитков, для которых пока не удалось найти Розеттский камень, и тем, что хранит единая информационная сеть города. Абориген мог научить Корсиканца управлять «привидениями», с его помощью ученые Колонии вернули бы контроль над орбитальной группировкой и навсегда прекратили бы горячие торнадо. В конце концов, абориген дал бы четкий ответ: предназначается ли биомасса, которой приходится пичкать себя каждый день в жареном, пареном или копченом виде, для еды.

Куда ни кинь, – сплошная выгода от такого союзника. Только было одно «но»...

– Что-то я не пойму, Фред, – проговорил Лещинский осторожно, – нген, умирая, оставил для тебя доклад?

– Да, он был у меня на пайке, – ответил Корсиканец. – Обычное дело. Мои глаза и уши в буферной зоне и во владениях хитников.

Лещинский кивнул. Агент Корсиканца в стане врага? Ясно-понятно... И не один, наверное, нген. Были, скорее всего, еще засланные казачки.

– Наррель шел на переговоры со мной. Он, как и я, понял, что появление аборигена может изменить ситуацию под Чертовым Коромыслом. Однако мои вояки расстреляли благородного из излучателей и огнеметов... Погорячились чуть-чуть, так?

– Кто же знал... – пожал плечами Лещинский: хитники появлялись в их краях, чтобы грабить и убивать, а не для салонных бесед.

Корсиканец сделал брезгливый жест: мол, нечего оправдываться, не для того вызвали.

– Нген сказал, что абориген остался в Грязном порту под охраной нескольких бандитов. Время дорого! Мне позарез нужно это существо! – Корсиканец по-обезьяньи уперся кулаками в крышку стола. – Группа людей на территории хитников обязательно привлечет внимание. Но ловкий одиночка сможет выкрасть ценного пленника у головорезов и доставить сюда невредимым. Ты парень головастый, смелый, надежный. Закаленный в боях. Я хочу, чтобы ты это сделал ради блага Колонии.

Лещинский подобрался. Уже привычным усилием воли отсекает лишние эмоции.

Приказ нужно выполнить. Тем более – во благо Колонии. Тем более, он сам понимает, насколько важен абориген. Хотя соваться в Грязный порт в одиночку – почти приговор... Высокого же мнения о нем, бывшем студенте Костике Лещинском, Корсиканец, если полагает, что он справится с таким заданием.

– Когда мне выйти?

– Чем быстрее, тем лучше. Полагаю, что перебежчик из Чумного городища ни у кого не вызовет подозрения. Половина тамошних якшается с хитниками. Возьми ствол получше, с хорошей батареей. И иди.

– Понял.

– погоди! – Корсиканец поднял руку. – Если у тебя все получится, ни в чем не будешь нуждаться, пока живешь здесь. Это ясно?

– Да, Фред.

– И зря расстраиваешь Оксану Степановну: не хочешь от нее детей, – добавил Корсиканец многозначительно. – Сегодня один не хочет детей, завтра – второй, послезавтра одни птичники повсюду кудахтать будут. Если самые лучшие из нас не думают о продолжении рода, что тогда взять со всякого быдла из Чумного городища? В бой идти он не боится, видите ли, а грязных пеленок испугался. Давай, братишка, возвращайся. Погуляем у тебя на свадьбе, так, Ланальюк?

Нген утвердительно хрюкнул.

Отвечать «так точно» было не комильфо. Лещинский оказался способен лишь на дежурную улыбку.

Откуда Корсиканец прознал о его проблемах с Оксанкой, лучше было не спрашивать. Лещинскому показалось, что Фред Вельянов умышленно дал ему понять, что ему известна подноготная каждого. Мол, высоко сижу, далеко гляжу.

Лысый сукин сын!

Лещинский еще раз натянуто улыбнулся и вышел.

Глаза у Оксанки были на мокром месте, хотя она старалась этого не показывать. Только однажды у нее вырвалось:

– Какая здесь может быть командировка, Костик! Куда?!

– Секретно, – буркнул Лещинский, раскладывая по карманам обрезки «колбасы», нож, разную мелочовку.

Оксанка вздохнула, уселась на кровать – штопать рубашку. Лещинский опустился рядом и принялся с нарочитой неспешностью прилаживать к ременному поясу батарею. В арсенале ему выдали облегченную модификацию портативного излучателя, такой «ствол» можно было носить в подмышечной кобуре, но оружие нуждалось в источнике энергии.

И Лещинскому, и Оксанке хотелось растянуть эти приготовления, хотя все уже было сделано. Наконец гвардеец решительно поднялся. Сунул излучатель в кобуру, подрегулировал ремни, чтобы она прилегала как можно плотнее. Оксанка протянула ему заштопанную рубашку.

– Возьми, пригодится.

Лещинский кивнул, сунул рубашку в карман плаща.

– Возвращайся живой, ладно? Я буду ждать, – всхлипнула Оксанка. – Сколько нужно – столько и буду.

Лещинский кивнул, порывисто обнял подругу, заглянул в ярко-синие, затянутые влажной поволокой глаза.

– Когда вернусь, мы поженимся, – пообещал он.

Оксанка охнула, но Лещинский не стал дожидаться новых слез. Он ткнулся губами в ее горячую щеку и вышел из комнаты.

Днем в коридоре было полно народу. Крохотный нгененок гнался за «вечным обручем». Его арсианский приятель сцепился с дочкой заводского учетчика Миядзаки. Земная девочка и инопланетянин молча мутузили друг дружку.

– А ну, брысь, сорванцы! – прикрикнул на них Лещинский.

«Сорванцы» бросились врассыпную, завопили из безопасной дали: «Хитник!»

За поворотом Лещинский наткнулся на старшего сына Смитов. Семилетний мальчишка сидел на корточках перед «привидением», не отводя от него ореховых глаз. С «привидением» что-то происходило. Оно стало похоже на вытянутый по вертикали аквариум, заполненный синей булькающей жидкостью, в которой что-то плавало, но, видимо, совсем не то, что было нужно мальчишке, потому что Смит-младший хмурил бровки и тихо шептал непонятные Лещинскому американские идиомы.

Дети потихоньку осваивали мир, который был для них родным.

«Ради них...» – подумал Лещинский, выходя на улицу.

Он не стал «светиться» на главном проспекте имени Фреда Вельянова, а сразу шмыгнул в проулок, упирающийся прямым в прореху в Заборе – трехметровой бетонной ограде, которую два года назад начали сооружать вокруг завода и жилой зоны по приказу Корсиканца.

К Крысиному пустырю проще было пройти через главные ворота, но они открывались редко. И уж точно никто не стал бы раздвигать массивные, бронированные створки ради единственного бродяги. Штабной нген Ланальюк советовал забыть на время, что он,

Константин Лещинский, – гвардеец. Совет хорош, особенно если учесть, что в Грязном порту на гвардейцев имеет зуб каждый второй.

Протиснувшись в дыру, Лещинский очутился в Парке. Тихо шелестели чешуйчатые листья укропных деревьев. Заросли жгучей осины тряслись, как от озноба, разбрасывая повсюду ядовитые семена. Сновали деловитые насекомые. Белели развалины Фонтанного дворца – вода струилась по обломкам ступеней, журчала в каменном русле канала, из которого трудолюбивые птичники ведрами таскали ее для своего огорода. Лещинский старался не привлекать внимания. Плащ с капюшоном, противопылевая маска сделали его неузнаваемым. Ни дать ни взять – побирושка, забравшийся в Парк, чтобы разжиться на халяву овощами. Завидев его, огородники делали тревожную стойку – совсем как страусы, которые углядели подкрадывающегося шакала. Лещинский не обращал на них внимания, он выбирал самые затененные места. Ему хотелось растянуть удовольствие, ведь дальнейший путь лежал через места не столь прохладные.

За Парком тянулась полоса Мертвого леса. Когда-то здесь тоже шумела листва и сновали насекомые, но горячий торнадо опалил деревья мертвящим дыханием. Листья высохли и опали, усеяв подножия окостеневших от жара стволов. В Мертвом лесу добывали древесину для мебели и разных поделок. Сгорбившись и низко опустив голову, Лещинский прошмыгнул мимо знакомых дровосеков-нгенов, распиливающих толстый, в три обхвата, комель вывернутого с корнями мохнатого дуба. Карликам было не до того, чтобы смотреть по сторонам, двуручная пила то и дело застревала в твердом, как камень, лубе. Нгены обильно истекали ядовитым потом и матерились по-русски.

На опушке Лещинскому пришлось залечь, чтобы переждать патрульный бронеход, которым управлял камерунец Батиста. Белозубая улыбка африканца маячила за лобовым стеклом – бывший футболист вечно чему-то радовался, это не помешало бы ему пальнуть из огнемета по одинокому бродяге. С Батистой Лещинский был почти не знаком. Камерунец говорил только по-португальски и, как ни странно, на языке леворуких нгенов. Ланальяюка переводил Батисте приказы и речи Корсиканца. В обществе других гвардейцев, между собой разговаривающих на смеси русского, английского и арсианского, камерунец только широко улыбался.

Когда хруст тяжелых шагов и басовитый рокот турбин затих вдалеке, Лещинский поднялся и бегом припустил в тень эстакады магистрального волновода. Бетонные опоры возносили к пылающим небесам сложное переплетение труб разного диаметра, снизу напоминающее трос толщиной с Останкинскую башню. Коренные обитатели мира под Чертовым Коромыслом не знали многожильных кабелей и прочей проводки. Они передавали и энергию, и информацию через хитроумную сеть волноводов, достигавших порой толщины человеческого волоса. Это было сущим проклятием для механиков, обслуживающих бронеходы и другую технику. Оборванный провод можно соединить, просто скрутив вместе два конца, а попробуйте таким образом починить оборванный волновод!

На Крысином пустыре припекало всюю. Струи нагретого воздуха поднимались над развалинами. Казалось, что мираж возродил из пепла великолепные здания, которые когда-то здесь возвышались. Но с тех пор, как взрывная волна превратила их в груды щебня и битого кирпича, только мертвое колыхание зноя нарушало покой этого пустынного места. Лещинский шел крадучись. Как и положено побирושке из Чумного городища, рыскающему в поисках хоть какой-нибудь поживы. Ручной излучатель натирал подмышку, тяжелая батарея оттягивала пояс, но эти игрушки в любой момент могли выручить гвардейца, превращенного

волею Корсиканца в разведчика-диверсанта.

«Ирония судьбы, – подумал Лещинский, озираясь по сторонам. – Каких-то три-четыре года назад я боялся идти ночью на заброшенное кладбище... И где? В Клетинском бору! А теперь топаю через огромную инопланетную помойку напрямик в логово отъявленных бандюганов, большая часть которых, к тому же, не люди...»

Потягивало гнилым ветерком. Сказывалась близость Канавы. У Лещинского появились попутчики, правда – недолговечные: пылевые смерчи оживили ландшафт. Лещинский узнал место, где недавно шел бой. На слежавшихся гудах мусора гвардеец увидел борозды, распаханные тяжелыми шасси бронеходов. Повсюду валялись обрывки амуниции хитников, обгорелое тряпье, но трупов не было. Божедомы, самая презираемая каста Чумного городища, не только обирали мертвецов, но и пускали в переработку тела. Даже отсюда было видно, как дымят смрадные печи на окраине Пустыря. Ветер доносил кислую вонь, поднимающуюся над щелочными чанами. Божедомы варили мыло.

Ветер стих, и душный, будто мешок, наброшенный на голову, зной вновь навалился на одинокого путника. Лещинский опять прошел под эстакадой волновода, которая пересекала пустыню города в северо-восточном направлении, соединяя Космодром с Грязным портом. Было бы проще двигаться вдоль эстакады, но дальше начинались Поющие руины. Свататься туда не стоило. Года за три до появления Лещинского под Чертовым Коромыслом большая орбитальная станция рухнула на город. Тысячи тонн высокочистых сплавов и композитных материалов, битком набитых сверхточной электроникой, пробили в городских кварталах, прилегающих к Грязному порту, кратер диаметром в полкилометра. Энергия взрыва была колоссальна. Металл станции сплавился с камнем зданий. На месте катастрофы как будто вырос стеклянно-металлический лес, который вибрировал на рассвете под лучами восходящего солнца, оглашая окрестности заунывными звуками. Поговаривали, что Поющие руины радиоактивны, но скорее всего их боялись по привычке, как всего чужеродного и необъяснимого.

Лещинский с удовольствием взглянул бы на Руины – в радиоактивность он не верил, не стали бы аборигены крутить у себя над головами ядерные реакторы – но делать такой крюк любопытства ради – большая роскошь для одинокого разведчика. Поэтому он свернул к набережной Канавы. Здесь начиналась буферная зона, разделявшая владения Корсиканца с дикими кварталами. В хорошие дни, когда солнце не слишком жарило, горячие торнадо не угрожали жилым районам, а из океана не приходила Высокая волна, на набережной собирался стихийный базарчик. Еще издалека Лещинский слышал многоязычный гвалт.

Вдоль парапета растянулись лотки и палатки. Раскачивалась на веревках сушеная рыба, выловленная в Канаве. Бутыли с мутной грибной настойкой призывно поблескивали на солнце. Нгены торговали на развес черным вонючим «божедомским» мылом. Птичники кудахтали, совсем как куры, впаривая немногочисленным покупателям какие-то корешки. Долговязый арсианец разложил на куске полиэтилена самодельные клинки. Лещинский не удержался, попросил у торговца разрешение посмотреть кривой меч, похожий на иззубренный ятаган. Рукоять, выточенная из прочной и эластичной, словно пластмасса, коры мохнатого дуба, пришлась по руке.

– Тóхара са? – спросил он у торговца.

Желтоглазый торговец показал три крючковатых пальца, что означало трехдневный «колбасный» паек. Лещинский уважительно поцокал языком и щелкнул себя по кадыку, дескать, товар выше всяких похвал, и только бедность не позволяет мне обладать такой

драгоценностью. На что арсианец ответил длинной горловой руладой, обозначающей у выходцев с Арсианы чувство глубокого удовлетворения.

Вернув клинок хозяину, Лещинский неторопливым шагом двинулся дальше. Внедрение в буферную зону можно было считать состоявшимся. Завсегдатаи толкучки не сомневались в его «социальном происхождении». Чтобы закрепить успех, Лещинский выменял у толстой бабы в черном платке и в каком-то невообразимом салопе низку вяленой рыбы-кошмарки. Бабе понравилась пьезоэлектрическая зажигалка. Такого добра во владениях Корсиканца хватало – рукастые нгены изготавливали их в ремонтных мастерских – но для обитателей диких кварталов зажигалки были ценностью.

На ходу счищая с рыбы твердую и колючую чешую, Лещинский начал потихоньку пробираться к выходу из базарчика. Он миновал торговцев хламом, которые примостились на ступеньках лестницы, ведущей к сизой, в масляных пятнах, глади пролива. Лещинскому захотелось посидеть у воды, перекусить, полюбоваться плывущими к океану радужными разводами, отражающими тусклое к вечеру свечение Кольца. Канава обмелела. Начинался отлив. Из ила торчал ржавый остов затонувшего катера. Лещинский присел на ступеньку, принялся зубами отдирать с рыбьего позвоночника розовые ломтики слабосоленого мяса.

– Угости девочку рыбкой, мистер... – раздался сзади испитой голос, лишь отдаленно напоминающий женский.

Лещинский обернулся. Голые кривые ноги в синяках и ссадинах, короткая замызганная юбка, брезентовая куртка, сквозь прорехи видна грязно-серая кожа, тусклые, слипшиеся космы, лицо одутловатое, щербатая улыбка, мутный взгляд – типичная шалашовка, вокзальная шляха, бомжиха. По виду не понять, – то ли фаг «подобрал» ее где-нибудь в привокзальном сквере, то ли она стала такой здесь.

Лещинский протянул ей недоеденную рыбу. Шляха проворно схватила полуобглоданный скелет, присела рядом с гвардейцем, кокетливо покосилась. От нее воняло так, что Лещинского замутило.

– Не хочет ли мистер отдохнуть? – осведомилась шляха.

– С тобой, что ли? – буркнул Лещинский.

Шалашовка заерзала на ступеньке, придвигаясь.

– А хотя бы и со мной! – заявила она. – Я такое умею, что Зойкиным девкам и не снилось.

– Нет уж, благодарю...

Лещинский попытался встать, но вдруг кто-то сзади резко сдернул капюшон с его головы и приставил к горлу холодное лезвие.

– Ша, шеловеше, – прошепелявил неизвестный. – Шти тишо...

Баба визгливо расхохоталась, вскочила, ткнула гвардейцу в лицо недоеденной кошмаркой.

– Побрезговал! – торжествующе выкрикнула шляха. – Побрезговал, щенок! Скажу Щеру, он мигом тебе муди отрежет!

Чья-то холодная и скользкая лапа быстро обыскала его, отняла нож, рыбу, пайку «колбасы» и фляжку с водой – все, что лежало в просторных карманах плаща. Потом обыскивающий нащупал на поясе Лещинского батарею.

– Шо ту? – поинтересовался Щер.

– Батарея.

– На шо?

– Продать хотел, – ответил Лещинский. – В ней много золота и платины...

– На шо? – тупо повторил Щер.

– Тю, змеюка, – встряла шалашовка, – это же рыжье, лягушачья твоя башка! Отдам Зубодеру, сделает мне платиновые коронки... А ну, импотент, скидавай шмотки!

– Сейчас-сейчас, – проговорил Лещинский. – Пусть только твой Щер заточку спрячет. Я все отдам, в живых оставьте...

– Оставим, оставим, – пообещала шлюха. – Попользуюсь тобой только. А то у этой долбаной ящерицы все не как у людей. У Щера нету хера! – скаламбурила она и зашлась идиотическим смехом.

Лезвие пропало. Лещинский поднялся, принялся медленно расстегивать плащ. Повернувшись вполоборота, он разглядел, наконец, дружка шлюхи. Это был рептилоид. Низкорослый, чуть выше взрослого нгена, ящер уставился на Лещинского немигающим взглядом. В лапах – длинный клинок, наподобие японской катаны, хвост нервно подрагивает.

– Ах ты... ящерица...

Гвардеец рванул из-за пазухи излучатель.

Шлюха истошно завизжала. И тотчас из темной дыры в гранитной облицовке набережной высыпала толпа чешуйчатых сапиенсов. Они обступили гвардейца, словно рапторы игуанодона, принялись шипеть, дергать хвостами, подпрыгивать от нетерпения, скалить мелкие острые зубы. Клинки разной длины и формы замелькали в лапах, рождая смертоносную раду. От ящеров резко и незнакомо пахло, не так отвратительно, как от нгенов, но все же Лещинского затошнило. Он волчком крутился на месте, поводя стволом излучателя.

– Первого, кто рыхнется, завалю! – пригрозил Лещинский и пустил невидимый в солнечном свете тепловой луч над плоскими головами рептилоидов.

Луч прошелся по рубке затонувшего катера, дырявя проржавевший металл.

– Ша, шеловеше, – прошипел Щер, который, видимо, был у рептилоидов предводителем. – Шолай шобром, ушелеешь...

Лещинский хмыкнул. Похоже, его собирались похитить. Осталось полоснуть по сухожилиям, повалить и отволочь в дыру. А потом продать божедодмам на мыло.

Считалось, что ящеры были первыми пришельцами под Чертовым Коромыслом. Поговаривали, что их очень много, что они предпочитают жить на нижних уровнях города, которые никто не считал. Корсиканец даже приказал засыпать все выходы из подземных коммуникаций на подконтрольной ему территории. Известно было, что рептилоиды не слишком дружат с техникой и предпочитают холодное оружие. Ходили слухи, что чешуйчатые устраивают в катакомбах жуткие ритуалы, во время которых поклоняются Сатане. Хотя понятно, что это полная чушь, бабий треп.

Правда, чем эти скудные сведения помогут ему сейчас?..

– Э-э, братва! – заорали на набережной. – Чо за дела?!

Русским вторили на своих языках англосаксы, китайцы, арсианцы и нгены. Смысл выкриков был один – гуманоиды возмущались некорректным поведением рептилоидов по отношению к человеку.

Лещинский оглянулся. По лестнице неслась вооруженная чем попало толпа постоянных посетителей и торговцев с базарчика. Возглавлял их арсианец – продавец клинков, в его руке сверкал «ятаган». Рептилоиды занервничали, стали шипеть еще громче и дергать хвостами еще резче. Наконец Щер указал «катаной» в сторону дыры. Несколько чешуйчатых подскочили к шлюхе, ловко сшибли ее с ног, подхватили со всех сторон и поволокли к темному зеву пролома.

– Шмы вше вшпретимша, – пообещал Лещинскому Щер и припустил вслед за своей бандой.

Когда воинство жаждущих справедливости высыпало на галечное дно обмелевшего пролива, Лещинский успел сунуть излучатель в кобуру и подобрать свои нехитрые пожитки, которые ящеры почему-то бросили. Пропала только рубашка, так заботливо заштопанная Оксанкой.

Братья-гуманоиды кинулись обнимать Лещинского, хлопать гвардейца по плечам, галдя на всех языках.

– Хта оро... Су-зия...

– Lucky son of a bitch, well done...

– Задолбали эти крокодилы...

– Крю расх, троу...

– Поймаю однажды эту суку, башку отвинчу...

Радостно возбужденная кучка повлекла Лещинского наверх. Кто-то сунул ему комок жевательной смолы, кто-то – кусок «колбасы», завернутый в светло-зеленый лист, похожий на капустный. А следом появилась и бутылка с «грибной» настойкой.

– Хлебни, братан! – посоветовал коренастый мужик в рваном матросском обмундировании, до глаз заросший рыжим курчавым мехом.

Лещинский благодарно кивнул, припал к горлышку. Кисловатая на вкус, отдающая маринованными опятами жидкость продрала горло.

– Меня зовут Глеб, – представился рыжий. – Но свои кличут Морпехом. Я на Северном флоте служил...

– Костя, – сказал Лещинский, пожимая веснушчатую лапищу.

– А это – Даррель, – Морпех кивнул на торговца клинками, который успел собрать свою продукцию в мешок.

– Мы почти знакомы, – проговорил Лещинский. – Цта но, Даррель... Благодарю за помощь.

Арсиянец слегка поклонился.

– Ну а с нашими дружбанами, Люком и Арчи, – продолжал рыжий, – ты еще поручкаешься.

Морпех показал на худенького, наголо бритого паренька, облаченного в изгвазданный медицинский халат, и на карлика-нгена в кафтане с дырявым жабо, – те собирали с парапета нераспроданный хлам. Кто из них – Люк, а кто – Арчи, Лещинский не понял.

– Пока пацаны товаром заняты, мы успеем заказать у Торо что-нибудь пошамать... Погнали, братва, в шалман!

Морпех первым двинулся к вытянувшимся вдоль набережной развалинам, среди которых, в тени магистрального волновода, теснились с десятков халуп. Лещинский замешкался, и Даррель легонько, но настойчиво подтолкнул его вперед.

«Ага, – подумал гвардеец. – Это приглашение, от которого нельзя отказаться. Ладно, посмотрим, что им от меня надо. Может, что интересное расскажут».

Они подошли к дверям заведения. На покоробленной от сырости картонке красовалось изображение бутылки, обвитой «колбасным» полукругом. Морпех толкнул хлипкую дверь. Внутри, как ни странно, оказалось прохладно и светло. Ячейки контактной сети были в живописном беспорядке развешаны по дощатым стенам. Из потолка торчали трубки волноводов, откуда струился свежий воздух.

«Вот те раз... – опешил Лещинский. – Да у них тут классные инженеры, не хуже заводских! А этот сучонок Корсиканец жрачку для них зажимает...»

Собранные из разнообразного лома столики были почти все заняты. В основном – торговцами с рынка. Длинноволосый, задастый, как баба, тапер брэнчал на дребезжащем рояле – невиданное диво в этих краях. Между столиками топталось несколько пар. Пахло жареной «колбасой», настойкой и незнакомыми Лещинскому специями. Гвардеец сразу почувствовал, что дико голоден.

Расторопный Морпех мигом обнаружил незанятый столик, замахал лапищей, приглашая приятелей. Расселись по табуреткам из гнутой металлической арматуры и кусков пластика. Морпех подозвал официанта, больше похожего на вышибалу. Прежде чем принять заказ, тот

осведомился:

– Чем платить думаете?

Морпех хмыкнул, покопался в своем рюкзаке, выложил на столешницу глухо звякнувший мешочек.

– Что здесь?

– Так, ерунда, – отозвался рыжий и подмигнул арсианцу. – Помадки, чушики, вертячки...

– Годится, – буркнул официант и сгреб мешочек.

Хлопнула дверь, и в заведение вошли новые посетители. Ими оказались Арчи и Люк. Оба волокли по рюкзаку. Морпех свистнул, и они устремились к столику.

– Знакомьтесь, – сказал Морпех. – Это Арчи! – Рыжий ткнул жестким пальцем во впалую грудь бритоголового подростка. Арчи охнул и плюхнулся на табуретку. – А это... – морпех сделал драматическую паузу, указывая на нгена, – Скайольюк! В просторечии – Люк Скайуокер! Слышал о таком? – поинтересовался он у Лещинского.

– Конечно, – отозвался гвардеец.

– Ну, мало ли... – протянул Морпех. – Ты из какого года?

Лещинский опешил.

– Я?..

– Да, ты! – нетерпеливо произнес рыжий. – Я, например, из девяносто седьмого. Арчи из шестидесят четвертого...

В Колонии было не принято говорить о таких вещах, но, похоже, здесь имели другие представления о приличиях.

– Из две тысячи тринадцатого, – нехотя проговорил Лещинский.

– Ух ты! И как там? Наши выиграли чемпионат мира по футболу?

– Не знаю... Не фанат.

Официант принес поднос, на котором, помимо кружек и бутыли с грибной настойкой, скромно ютилось глиняное блюдо с горкой «колбасы» и несколькими пучками зелени. Дружки Морпеха возбужденно загудели. Даже эта малость была для них пиршеством. Лещинский же радовался, что неприятный разговор забыт.

Под «колбасу», зелень и настойку пошел общий треп. Хламоторговцы обсуждали мелкие операции, поминутно проскакивали какие-то «фриксы», «соляпы», «куртузки». То и дело упоминался Грязный порт. В какое-то мгновение Лещинскому показалось, что морпеховские дружки ходят вокруг да около банды высокородного Нарреля. И каждый раз, когда упоминались хитники, рыжий Глеб хитро постреливал в его, Лещинского, сторону голубыми глазами. Лещинский делал вид, что ничего не замечает. Он не собирался втягиваться в чужую игру. Наконец Морпех не выдержал, наклонился через стол к гвардейцу, спросил вполголоса:

– Откуда у тебя пушка, братишка?

Лещинский в недоумении поднял брови.

– Да ладно тебе, – продолжил рыжий. – Видел я, как ты ящериц пугнул... Знатный ствол, нам такие не попадались.

– Достал по случаю...

Морпех покрутил рыжей башкой, оглядел зал, забитый посетителями под завязку, и наконец сказал:

– Понимаешь, мы с пацанами шаримся по развалинам, добываем всякую техническую мутотень и сбываем в Колонию на запчасти. Собираем и цветмет... В общем – ничем не брезгуем, но все равно, как видишь, не жируем. А в Грязном порту есть одно местечко...

Давно на него заримся, да руки короткие... Нам бы такую пушку, как у тебя, мы бы пробилась. Не продашь?

Лещинский фыркнул:

– Нашел дурака!

Рыжий вздохнул, поскреб в щетинистом подбородке.

– Тогда помоги нам туда пробиться. Сорок процентов добычи – твои.

– Щедро, – отозвался гвардеец. – Через хитников пробиваться будем?

– Если совсем не повезет, – признался Морпех. – Но после того, как гвардейцы

Корсиканца завалили Нарреля, хитники попритихли. Говорят, они на танкере, что сел на камни в устье пролива. Скоро последний побирושка сообразит, что в Грязный порт можно пробраться безнаказанно, и тогда ловить там будет нечего.

– А сейчас что там ловить? – с видом простачка осведомился Лещинский.

– Чудик! Это же порт! Корабли на приколе, доки, ремонтные мастерские... Да мало ли!

– Ладно, я понял, – отозвался гвардеец. – Когда идем?

– Да прям щас.

– По рукам!

Морпех расцвел. Хлопнул рукой по столешнице, рявкнул:

– Баста, братва!

«Братва» без лишних разговоров поднялась. Тощий Арчи схватил тарелку из-под «колбасы» и облизал.

Лещинский поднялся тоже. Он понимал, что место в Грязном порту, до которого у компашки Морпеха были «руки короткие», скорее всего, контролируется остатками банды высокородного Нарреля. Что ж, на определенном этапе неплохо иметь ловких попутчиков.

Вышли наружу. Начало смеркаться. Чертово Коромысло сияло червонным золотом, словно нимб на старинной иконе. Воздух посвежел.

– А ветерок-то попутный! – воскликнул рыжий. – Хорошая примета... Айда, пацаны!

И он нырнул в щель между шалманом и соседней хибарой. Следом за ним устремились Арчи и Люк. Арсианец Даррель выжидательно посмотрел на Лещинского.

– Понял, – буркнул тот и двинулся вслед за остальными.

Роль торговца клинками в команде Морпеха окончательно стала ясна. Даррель глаз не спустит с обладателя завидной пушки.

За пару минут они покинули небольшой поселок, гуськом втянулись в прилегающие городские кварталы. Солнце садилось все ниже, длинные тени пролегали через улицы, вдоль которых торчали вкривь и вкось уцелевшие стены. Аборигены не любили прямых углов и предпочитали не повторяться. Два одинаковых здания в городе Лещинскому еще не попадались. Правда, он и видел-то лишь небольшую часть этого суперполиса.

Когда они подошли к территории Грязного порта, солнце уже зашло. Полукольца Чертова Коромысла засеребрились, предвещая восход первой луны. Ветер окреп. Со стороны океана поползли тучи.

– Ух ты, братва! – обрадовался Морпех. – Похоже, заштормит... Дождик будет. Это хорошо, это нам на руку...

Грязный порт отделялся от городских построек широким бетонным рвом. Дождей давно не было, и в сухом русле скопился разный хлам.

– Пойдем по дну, – распорядился рыжий. – Через полкилометра – дренажная труба, она ведет до самых доков.

«Братва» ссыпалась в бетонную канаву, и, перебравшись через ржавые обломки, присыпанные мусором, пустилась в указанном направлении. Быстро темнело. Продираться сквозь завалы хламья приходилось почти на ощупь. И все вздохнули с облегчением, когда Морпех буркнул: «Пришли!» В бетонной стене зияло темное отверстие дренажной трубы, из которого веяло затхлым ветерком и смутно знакомым запахом.

– Ящеры! – пискнул Арчи.

– Твою мать... – процедил сквозь зубы Морпех.

Стены рва в этом месте были отвесными. Искатели технических сокровищ оказались в ловушке. Даррель сбросил с плеча мешок с клинками. Быстро раздал мечи поделщикам. Лещинский выхватил излучатель, машинально проверил индикатор заряда батареи. Красный огонек ободряюще подмигивал. Волна рептильего запаха выплеснулась из трубы, лишь ненамного опередив вооруженную до зубов толпу чешуйчатых сапиенсов. Во рву, заваленном мусором, и так было не развернуться, а из-за рептилоидов стало еще теснее. Забрякали клинки. Тонко вскрикнул Арчи и пропал, сбитый с ног проворными ящерами. Кроя гадов трехэтажным матом, к нему рванулся Морпех, но завяз в вонючей толпе. Арсианец работал двумя клинками сразу, поминая какие-то волдыри на чьем-то заду. Из всей команды рыжего, похоже, он единственный владел техникой мечевого боя. Впрочем, и Скайольюк, как заправский джедай, крутился на одном месте, отсекая рептилоидам то лапы, то хвосты. Хлестала темная кровяца, но ящеры не издавали ни звука.

Хуже всех приходилось Лещинскому. В рукопашной свалке толку от излучателя было ноль. Гвардеец никак не мог выбрать угол обстрела, чтобы ненароком не задеть своих. Он отступал под натиском настырных тварей, поводя стволом из стороны в сторону, не нажимая на гашетку. Наконец рептилоиды оттеснили его в трубу. Стемнело уже так, что в гуще схватки было не разобрать где свои, а где – чужие. И когда позади из тьмы тоннеля донеслось знакомое: «Ша, шеловеше...», Лещинский резко развернулся и вдавил спусковую клавишу до упора.

Ночь выдалась пасмурной, со стороны залива нагнало хмари. Тревожное поскуливание морских птиц не смолкало ни на минуту, предвещая бурю.

Лещинский ждал наступления темноты в обветшалом строении – то ли автомойке, то ли в станции технического обслуживания. Он бросил под стену пару пыльных сидений и попытался задремать, но проклятое адреналиновое опьянение не отпускало, не позволяя расслабиться. Сердце галопировало. От густого застоявшегося воздуха хотелось кашлять. Он лежал на спине, укрывшись плащом, глядел в потолок, покрытый желтыми разводами, и считал рептилоидов.

Раз – Щер, два – его бледный пучеглазый телохранитель. Три – рептилоид... Четыре – рептилоид... Пятому, раненому, удалось уйти – взобраться на стену канала, перепачкав бетон черной кровью. Шесть – рептилоид, тепловой луч угодил в оскаленную пасть, и черепушка взорвалась, как перегретый котел. Семь – не рептилоид, а Морпех. Рыжему вскрыли брюхо крест-накрест, но он продолжал биться, войдя в иступление берсерка.

Лещинский поймал его дикий взгляд. Глаза Морпеха жгли почти так же сильно, как и излучатель.

– Не фартовый ты, дружбан! – прокричал он. – Нам – пинцет! Беги, дуралей!

...Из прохудившегося резервуара капала вода. Попискивала, словно мышь, батарея излучателя, подключенная к контактной сети. Перезвон капли сплетался с этим писком в странно знакомую мелодию, казалось, небольшое усилие воли, и ты узнаешь ее...

В конце концов, ему надоело маяться. Он встал, проверил батарею, выглянул в оконный проем, оскаленный осколками стекла. Луны светили из-за туч, словно два желтых фонаря под матовыми плафонами. Чертово Коромысло лило приглушенный неоновый свет. Над заливом вспыхивали молнии, доносились отголоски далекого грома.

Лещинский прошелся по мастерским, разминая руки, сделал несколько приседаний, затем упал на пол и принялся отжиматься. Перевернулся на спину, стал качать пресс. Без особого фанатизма, не перенапрягаясь. Просто чтобы привести себя в тонус.

Ощущая приятный гул в мышцах, он поднялся, затем отсоединил батарею от сети, запитал излучатель. Пора было выходить. Тучи, словно по заказу, становились гуще и ниже, черной смолой затопила улицы тьма.

Он шел бесшумно. Подошвы сминали мотки сухих водорослей, заброшенные штормами далеко за разрушенные волноломы и набережную. Шуршали крылья невидимых в темноте птиц. Перекатывали громовые раскаты, звук шел то с востока, то с запада. Залив опалесцировал, светящийся криль жался к поверхности, предвкушая непогоду.

Купола складских пакгаузов. Покосившиеся стрелы подъемных кранов. Заржавевшие кузова машин – шагающих, колесных, на воздушной подушке – брошенных у обочины или просто посреди дороги.

Пятно костерка за бетонными стенами. Долговязые фигуры арсианца и арсианки у огня; их зрачки сверкают, отражая свет. Хитники или просто сладкая парочка, живущая сама по себе.

Резкие удары в бубен и гортанные выкрики: по замусоренной площадке между ремонтными мастерскими разгуливает нген. Набедренная повязка, на груди и ключицах – полосы, проведенные краской. Он бродит, коротко ударяя в бубен кончиками пальцев, он

неотрывно смотрит в небо. Несколько нгенов валяются в наркотическом опьянении под забором. Эти тоже живут своей жизнью, своими традициями. Им плевать на Корсиканца, они выбрали дикарскую вольницу.

Нген с бубном повторяет одно и то же слово. Несмотря на скудные знания языков этой расы, Лещинский понимает его.

– Выворачивается-выворачивается-выворачивается...

И так – без остановок.

Держаться от таких подальше...

От моря несло тухлой рыбой. Эллинг просели на сваях. На волнах болтались гнилые доски и мелкий мусор. То и дело Лещинского окатывало брызгами, вода была горькой на вкус.

Старые танкеры стояли нерушимо, уткнувшись помятыми носами в разбитый бетон набережной. И было их не меньше пяти десятков. Кривой строй кораблей протянулся километра на два.

И в каком же из них...

Лещинский остановился в растерянности. Притулился к парапету.

Поломанные дебаркадеры. Лежащий на боку шагающий погрузчик-великан. Покосившиеся столбы волноводов. Приземистые здания портовых контор, которые едва просматриваются сквозь мрак.

Сквозь шум волн слышалось, как скрипит изъеденный водой, ветрами и временем рангоут мертвых кораблей. И еще...

Голоса.

Говорил арсианец, но по-русски.

– Стоять! Ствол брось на землю и руки покажи...

Ему ответили с характерными босяцкими интонациями:

– А че?.. Ну, ладно-ладно, щас... Это... полегче, а?

Что-то там происходило, за корпусом погрузчика, в рассеянном свечении фонаря.

Лещинский метнулся к машине, в один миг пересек открытое пространство...

Но понял, что место, которое он рассчитывал использовать вместо укрытия, уже занято.

Там сидели пятеро. Они были одеты точь-в-точь в такие же плащи, какой носил и Лещинский. Вооружена пятерка была самострелами и обрезам. Лещинский отпрянул, перебежал за погнутую стойку волновода. А за погрузчиком тем временем продолжался разговор:

– Что тут забыл?

– Да я переночевать искал! Я же не знал, что тут занято.

– Откуда ты?

– Из Чумного городища.

«Ага, – подумал Лещинский. – Легенда о Чумном городище, оказывается, популярна в диких кварталах. «Откуда ты?» «А из Чумного городища!» И взятки с тебя гладки...»

– Бросай котомку, выворачивай карманы и вали отсюда!

– У меня нет ничего, командир. Пусто. Видишь, нет? Погляди-погляди!

Арсианец хакнул, затем послышались булькающие звуки, и Лещинский словно воочию представил перерезанную глотку чужака и окровавленный нож в руке парня, прикидывавшегося простофилей.

Банда Орхо Со Нон Нарреля обезглавлена. Другие хитники спешат вырубить под корень

остатки лихого воинства высокородного. Зачем? На что они могли позариться в пропахшем дохлой рыбой и мазутом Грязном порту? На территорию? Вряд ли: город раскинулся на многие сотни километров, места всем хватает с головой. На общак? Может, Наррель действительно что-то припас на черный день. Ради влияния? Тоже причина... Нечего недобиткам Нарреля смущать своим присутствием другие шайки; следует навсегда вычеркнуть их из иерархии диких кварталов.

А может, они тоже провели об аборигене. И спешат заполучить драгоценного пленника, пока на него не начали охоту остальные.

Пятеро вскочили на ноги. Через миг они скрылись за корпусом погрузчика. Зашаркали сапоги по бетону, загремело подвернувшееся под каблук железо: особой ловкостью налетчики не отличались. И тут же, фыркнув, взмыла в обложенные тучами небеса осветительная ракета. По площади потянулись острые тени, похожие на клинки, сотканые из тьмы. Кто-то гортанно выкрикнул, и затем грянул ружейный выстрел.

Лещинский понял, что настал черед действовать. Он обежал погрузчик. Ракета источала мерзкий красный свет, из-за этого казалось, будто подрезанный арсианец затопил своей кровью всю площадь. Чужак был еще жив, и Лещинский поспешил к нему.

Тем временем налетчики напоролась на кинжальный огонь ручных излучателей. Банда высокородного располагала лучшими стволами, которые только можно было раздобыть в диких кварталах. Тончайшие огненные иглы беззвучно плясали в воздухе, оставляя на кнехтах, якорных цепях и стальной шкуре погрузчика багрово пылающие шрамы.

Лещинский склонился над умирающим арсианцем, зажал рассеченную артерию, хотя это уже не могло отсрочить смерть.

– Я ищу существо, которое вы держите в плену! Где оно?

Арсианец вяло пошевелился. Поволока, затуманившая его взгляд, растаяла.

– Говори! Ты сейчас умрешь, сделай хотя бы одно доброе дело в своей жизни! – зло прошептал Лещинский, ощущая, как чужая кровь обжигает ему руки.

Губы арсианца округлились.

– Я был... – прохрипел он, а затем перешел на свой язык: – Ш'хо т-лан-но...

Лещинский нахмурился. Он знал арсианский в пределах, необходимых для более или менее адекватного общения, но смысла фразы не уловил. К сожалению, сейчас на нем не было напичканного записывающими устройствами комбеза. Пришлось запоминать.

Раздался сухой хлопок, и следом взревело пламя. А затем еще хлопок и еще... костры разгорались один за другим, отмечая позиции обороняющихся. Налетчики, оказывается, запаслись бутылками с «коктейлем Молотова». Засев кто где, они метали их в конкурентов.

Конечно, против излучателей это был слабый аргумент, а разгорающийся пожар только мешал и тем, и другим.

Арсианец рассмеялся, хохот его сорвался в предсмертный хрип. Лещинский вытер руку об куртку покойника. Только рисковал зря и потерял время...

– Смотри! Там еще один из них! – закричал налетчик, высунувшись из-за груды ящиков. – Обошел, мразь!

Лещинский вскинул излучатель. Огненная игла скользнула по ящикам, сверкнули искры, и взвился белесый дым, вот только бандит успел нырнуть в укрытие. Гвардейца заметили остальные. С сердитым гулом мимо лица пронеслась арбалетная стрела, ударила самодельная дробь по бетону и железу. Лещинский снова кинулся к погрузчику, залег за массивной клешней манипулятора. На фоне пожара появилась контрастная фигура: бандит

торопливо перезаряжал обрез и вертел головой, выискивая цель. Со стороны танкера ударил луч и пронзил налетчику голову. Лещинский выстрелил в следующего бандюгана. Огненная игла прошлась вскользь, рванула оставленная в поясной сумке бутылка с «коктейлем Молотова». Одежда на налетчике вспыхнула. Бандит заверещал и кинулся к воде. Но до парашюта ему добежать не дали: вспыхнул луч, и беглец оказался без ног.

– Цу-Харрель! Цу-Харрель! – кричали с танкера. Хитники высокородного полагали, что в спину налетчикам стреляет арсианец, который на самом деле валялся с перерезанным горлом.

Лещинский бросился вперед, перепрыгнул через манипулятор, пропустил над головой очередную арбалетную стрелу, спрыгнул в воронку, где просевший бетон выдавал расположение подземных коммуникаций. Теперь арбалетчик был на виду.

Снова молниеносный лазерный росчерк, и бандит повалился с дырой в груди в огонь.

Осиротевшие хитники высокородного Нарреля, поддавшись жажде крови и азарту, бросились на налетчиков. Они выбирались из укрытий, сбегали по трапам танкера, смело шли через огонь.

– Цу-Харрель! – точно клич, повторяли они арсианское имя, не подозревая, что его обладатель остывает за погрузчиком.

Налетчиков не стали убивать. Их разоружили и избивали под гогот и ругань на разных языках. Принялись связывать. Лещинский насчитал восемь хитников Нарреля. Плюс – три уцелевших налетчика.

– Па-тке! – выкрикнул сипло Лещинский, что означало «я ранен».

– Цу-Харрель? – В его сторону направились двое долговязых с излучателями. Поблескивали арсианские глаза, отражая свет пожара.

– Нет, – буркнул в ответ Лещинский. – Обознались...

Этих двоих он срезал одним импульсом. Вскочил на ноги и кинулся на остальных. Стрелял с бедра, зажав кнопку активатора и безжалостно расходуя энергию. Светящиеся глаза арсианцев, черные, как агаты, глаза нгенов, тревожный блеск белков человеческих глаз... Они все видели свою смерть: стремительную и беспощадную огненную иглу.

Лещинский выжег их всех: и хитников Нарреля, и связанных налетчиков. Без сомнений и без угрызений совести.

Не сбавляя темпа, пронесся дальше. Закрыв лицо полкой плаща и прошел сквозь огненную стену, отделяющую его от ближайшего трапа.

Индикатор уровня заряда батареи излучателя мигал синим. Синий цвет у аборигенов мира под Чертовым Коромыслом – все равно что красный для землян. Лещинский знал, что энергии хватит на два-три коротких импульса. Негусто, в общем, если учесть, что ему придется остаться на месте заварушки и прочесать танкер. Для начала – тот, на котором обжились хитники. А пленника они могли держать где угодно.

Копаться среди покойников в поисках второй батареи Лещинский побрезговал. И не стоило терять времени: скольких еще стервятников могла привлечь стрельба и пожар. К тому же ветер крепчал, и гром рокотал уже не где-то в стороне, а над головой.

На палубе танкера было темно, воняло солярой, ржавчиной и тухлой рыбой. Вспышки молний то и дело выхватывали из тьмы горы мусора. На леерах, словно знамена разрухи, трепетали обрывки полиэтилена и тряпки. Лещинский направился к кормовой надстройке. На полдороге он уловил застарелый запах нгенов. Поджидали ли его во тьме отсеков? Или это всего лишь благоухали лежанки карликов?

Возле открытого люка Лещинский нашел керосиновую лампу. Щелкнул зажигалкой и поджег фитиль. Переступил через высокий комингс. Желтый дрожащий свет пал на переборки, покрытые облупившейся краской. Сделав несколько шагов, Лещинский остановился и прислушался: кто-то тихо всхлипывал. Вроде рядом, а вроде и нет...

Лещинский отыскал трап и пошел вверх, держа излучатель наготове и прижимаясь спиной к переборке. Запах нгена становился все сильнее.

Рубка управления.

Всполохи молний отражаются в мертвых глазах обесточенных экранов и циферблатов. Корабль стар, здесь нет «привидений» и других высокотехнологичных примочек. Панорамный иллюминатор вспыхивает белым, словно экран в кинотеатре, а потом угасает. И снова вспыхивает.

К штурвалу привязана нгенка в набедренной повязке. У нее сильно отекли руки и ноги, голова безвольно висит, грязные волосы закрывают лицо. Сквозь серую шерстку, покрывающую мускулистое тело, виднеются россыпи ссадин и кровоподтеков.

Лещинский осторожно вошел в рубку. Убедившись, что кроме нгенки никого больше нет, он первым делом открыл боковой иллюминатор. Загудел ветер, выдувая смрад.

Нгенку привязали липкой лентой, похожей на земной скотч. Лещинский нашарил в кармане плаща складной нож, затем перерезал путы. Нгенка резко вскрикнула, когда гвардеец рывком содрал «скотч» с ее лохматых рук. Впрочем, боль пошла на пользу: чужачка пришла в себя.

– Ты понимаешь меня? – Лещинский встряхнул ее за плечо.

– Да, друг, – ответила она, часто моргая. – Всегда благодарен, друг.

– Я ищу другого пленника, – принялся втолковывать Лещинский. – Он не такой, как ты или я. Он совсем другой, ты видела такого?

Нгенка заморгала еще чаще, глядя в сторону.

– Да! – На ее черном от бородавок лице прочиталось озарение. – Низ-низ, там! – развела карлица руками. – Похож тебя, но белый. Зраки – круги, – она распахнула глаза так широко, как только смогла.

– Где? – поторопился спросить Лещинский.

– Низ-низ, – повторила нгенка и ткнула пальцем в палубу.

– Уходи отсюда немедленно! – приказал Лещинский. – Спрячься до рассвета где-нибудь в порту, а потом беги! Ты меня не видела и не знаешь, – только так сможешь отблагодарить. Это понятно?

– Да... – склонила голову карлица.

Лещинский снова вернулся на трап. Спустился на нижнюю палубу и у входа в коридор столкнулся носом к носу со старым арсианцем.

Арсианец был однорук, лицо его бугрилось шрамами и наростами дикого мяса. Вместо отсутствующей конечности к культе крепилось приспособление вроде кузнечных клещей.

Ими-то арсианец и попытался отнять у Лещинского излучатель. Лещинский нажал на активатор, луч полоснул по переборке и подволоку. Брызги расплавленного железа окатили обоих щедрым душем. Оба закричали и отпрянули друг от друга, судорожно тщаь сбить с одежды и кожи багровые капли. Лещинский выронил излучатель и лампу. «Керосинка» покатила по палубе, грязно-желтый свет заметался по переборкам. Одежда дымилась, обожженная плоть белела, точно вареная курятина, чтобы вспухнуть потом волдырями. Воздух наполнился вонью горелых волос, кожи и пластика. Арсианец, все еще окруженный дымными струями, поднял пистолет. У него было оружие с родной планеты – массивная штука, вроде дуэльного лепажа, но с револьверным барабаном. Дуло, широкое, словно железнодорожный тоннель, смотрело Лещинскому в лицо.

Снова пахло нгенами.

Карлица запрыгнула Лещинскому на спину. Оттолкнулась, заставив гвардейца упасть на колени, и с истошным визгом метнулась на арсианца. Прогремел выстрел, тяжелая пуля ушла звенеть рикошетами по коридору. Нгенка сбила старика-арсианца с ног и впила зубами в остроконечное ухо. В следующий миг на хитника навалился и Лещинский.

Клещи приложили его возле виска так, что глаза застелила кровавая мгла. Лещинский понял, что готов отключиться. Поэтому он ударил ножом наверняка, чтобы арсианец больше не поднялся. У арсианцев была толстая грудная кость, она надежно защищала оба сердца. Но Лещинский знал, где у них проходит брюшная артерия.

После он уселся, прижавшись спиной к переборке, и отпихнул каблуком грязный нож. Дыхания не хватало, руки и ноги немели. Из раны на голове струилась кровь, стекая по щеке и щекоча шею. Нгенка отскочила от арсианца к противоположной переборке и принялась яростно отплевываться.

– Ты почему не ушла? – спросил Лещинский слабым голосом.

Нгенка застыла с высунутым языком. Передернула плечами в нечеловеческом движении.

– Оно-то близко. Этот охрана оно, – проговорила сбивчиво.

Лещинский заскрипел зубами, глухо застонал, оттолкнулся от переборки и встал. Колени тряслись, голова кружилась. Приехали, в общем. Но цель, похоже, была рядом. Лещинский подхватил оружие – и свое, и арсианское, нашарил на палубе лампу.

– Беги отсюда, – он вяло взмахнул излучателем. – Ну! Чем быстрее отсюда уберешься, тем больше у тебя шансов дожить до рассвета. Не тормози!

– Да, – смиренно буркнула нгенка и поплелась к трапу.

Коридор закончился люком, запертым на массивный висячий замок. Справа, в бывшей бытовке на столе из ящиков все еще горела свеча. Лещинский увидел складное кресло с парусиновым сиденьем и спинкой, на столе и на палубе валялся ворох арсианских глянцевого журналов. Лещинский решил, что здесь обитал однорукий.

Остатков энергии в батарее хватило, чтобы пережечь дужку замка. Остатков сил – чтобы сдвинуть створку люка.

Он повалился на палубу. Перед глазами мелькнули деревянные шконки в два ряда, бельма плафонов из матового стекла, переборки, забранные деформированными панелями из пластика, и долговязая, похожая на арсианскую, худая фигура.

Существо вышло из тьмы. Оно двигалось тяжело, рывками, словно плохо смазанный механизм. Словно длинные конечности с трудом сгибались в суставах.

Лещинский приподнялся на локтях. Нащупал рукоять трофейного револьвера.

Существо остановилось. Чуть наклонившись, протянуло Лещинскому пятипалую, почти человеческую руку. Лещинский заглянул в круглые светло-желтые глаза и опустил револьвер. Протянул руку навстречу.

– Я знал, что ты придешь, – сказала существо низким, слегка резонирующим голосом. – Это добрый знак. – Оно помогло Лещинскому подняться. – Значит, мы выполним свои миссии. Как и было предначертано.

– Где ты успел так хорошо выучить русский? – изумленно спросил гвардеец, глядя в белое, точно присыпанное пудрой лицо чужака.

Круглая, вместительная черепная коробка. Большие прозрачные глаза. Ряд вертикальных щелей, похожих на жабры, вместо носа. Узкий, словно прорезанный бритвой – из жалости, чтобы просто был – рот.

Урод уродом, конечно, но гуманоид. Чего и следовало ожидать. Иначе бы люди не пользовались достоянием местной цивилизации столь успешно.

– Я наблюдал, – ответило существо. – Я – наблюдатель.

Оно было на голову выше Лещинского. В темной одежде, похожей на деловой костюм. Оно стояло и терпеливо ждало, пока Лещинский рассмотрит его с лысой макушки до обутых в бесформенные ботинки ног. Спокойное, чуть унылое, прекрасно говорящее по-русски.

Казалось, спроси, и сейчас же получишь ответ на любой вопрос.

Почему брошен город?

Куда делись местные?

Остались ли еще аборигены или планета отдана на откуп пришельцам?

Ящик Пандоры.

Этот образ внезапно пришел на ум, и Лещинский почувствовал страх. Словно в руках у него оказалась бутылка со сказочным джинном, способным с одинаковой легкостью и возводить дворцы, и разрушать города. Чувство было таким острым, что захотелось захлопнуть люк, приварить его створку к комингсу, замуровав, таким образом, желтоглазого до лучших времен, а быть может – навсегда.

К черту дурные мысли. К черту предчувствия. Корсиканец будет должен ему отпуск.

– Меня зовут Костя, – представился он, взяв себя в руки.

– Тарбак, – назвало себя понятливое существо.

– Ты ведь с этой планеты? – на всякий случай уточнил гвардеец.

– Да.

– Хорошо. А остальные ваши где? – не удержался Лещинский.

Тарбак указал пальцев в подолок.

На лунах? На орбитальных станциях? В другой галактике? На том свете? Что он имел в виду?

– Ладно. Давай-ка выбираться отсюда, – Лещинский снова заглянул аборигену в

желтоватые глаза. – Идем со мной. Я – друг.

– Я знаю, – отозвался Тарбак.

Они пробрались через пропахшую сырой нефтью и смертью утробу танкера, поднялись на верхнюю палубу. Пожары на набережной потухли. Порт был темен и мертв. Завывал ветер в трубках волноводов да заунывно скрипели ржавые стрелы подъемных кранов, нехотя покачиваясь под натиском бури.

– Что, Тарбак, похозяйничали мы у вас, да? – проговорил Лещинский, вглядываясь во тьму.

– Да, – согласился абориген.

– Ты, надеюсь, в курсе, что мы не по своей воле оказались здесь?

– Я знаю.

– Вот и отлично. Думаю, претензий у тебя не будет. Выживали, как могли...

– Идут ящеры, – перебил гвардейца Тарбак.

– Вот бли-ин... – протянул Лещинский; в свете молнии он увидел, что возле трапа стягивается кольцо гротескных теней.

Гвардеец схватил аборигена за локоть и потащил на бак. Тарбак двигался уже не так заторможенно, как в первые минуты их встречи, но все еще был якорем. Не стоило и мечтать, что с ним удастся пробиться сквозь рептилоидов.

– Плавать умеешь? – спросил Лещинский, с отвращением глядя на бурную и грязную воду. Рана на голове болела, словно в череп забивали гвоздь: бум-бум, бум-бум. А гвоздь шел криво, с выкрутасами. Но другого выхода, похоже, не было.

– Да. Я – двоякодышащее, – Тарбак медленно, точно страдал радикулитом, наклонился и стал так же неторопливо снимать ботинки: расстегивать какие-то пуговицы, липучки, замочки.

А трапы уже содрогались от поступи рептилоидов. Шипение и клекот чешуйчатых хитников были отчетливо слышны даже сквозь шум бури.

– Нет-нет! – Лещинский подтолкнул аборигена к лееру, огораживающему бак. – На это нет времени! Давай прыгай так, Тарбак!

Мир под Чертовым Коромыслом утонул в белом шуме дождя.

Море – холодное, горькое, беспокойное. Дождь – тоже холодный, со вкусом ржавчины, навязчивый, словно попрошайка с заводской площади. У Лещинского было ощущение, что он поменял одни бездушные объятия на вторые точно такие же. И хоть под переполненными водой ботинками была бетонка, а не зыбкое песчаное дно залива, но каждый шаг давался с трудом.

– Не умирай, – прозвучал из сенсорной мглы нечеловеческий голос Тарбака.

– Не дождешься. – Он хотел усмехнуться, но боль в разбитой голове заставила лишь grimасничать, а глаза горели от слез, которые выступили сами собой.

– Я тебе помогу.

– Ну конечно...

Где они?

Дождь обесцветил и размыл город. Превратил в серый призрак. Вдоль улицы тянулись здания, похожие на водяные миражи. Лещинский утратил чувство направления. Просто переставлял ноги, как зомби, следуя лаконичным указаниям аборигена.

Наверное, они еще в Грязном порту. Наверное, в южной его части. Наверное, все сильнее углубляются в дикие кварталы.

Из тумана с гулом выкатил вечный обруч. Пронесся вокруг них, сильно наклонившись на вираже, затем снова исчез за стеною дождя.

– Мы почти пришли. Не умирай.

– Заткнулся бы, зануда...

Гулкий удар, скрип. И дождь вдруг иссяк. Больше никто не хлещет мокрыми ладонями по лицу. Можно упасть где угодно. Повсюду сухо. Это не залитая водой улица. Не терзаемая волнами полоска грязного галечного пляжа. Не песчаное дно, которое не хотело отпускать.

Темнота. Первозданная темнота эпохи до Большого Взрыва.

И затем – вспышка. Это «привидение» вспухло, заполнило собой весь объем просторного цилиндрического помещения. По выгнутым стенам заструились световые разводы. В их пульсации был заложен какой-то смысл, и стоящий посреди зала Тарбак походил на ветхозаветного пророка, внимающего неопалимой купине. В глубине здания что-то ожило. Загудело, завибрировало, залязгало металлом по металлу, забулькало жидкостями и газами, устремившимся по трубопроводам.

– Убери иллюминацию, кретин, – сквозь зубы просипел Лещинский. – Мы сияем на весь район.

Тарбак взмахнул рукой, и свет погас, а «привидение» снова сжалось в бледный шар.

Лещинский закрыл глаза. А когда открыл их снова, на голове уже оказались туго завязанные бинты. Рану прикрывала пористая, как губка, подушечка, и боли совсем не было.

Тарбак сидел рядом с Лещинским на корточках, сложив руки, словно богомол.

– Теперь я превращусь в одного из вас? – пробурчал, едва шевеля растрескавшимися губами, гвардеец.

– Почему? – удивился Тарбак.

– Да так, культурные стереотипы, – ответил Лещинский, и абориген, скорее всего, ничего не понял.

– Ты спас меня, я спас тебя. И скоро тебе станет легче, – пообещал Тарбак. – Мы не очень отличаемся по крови.

– Спасибо, – Лещинский ощупал повязку. Опасно было доверять латать раны инопланетянину, но в его ситуации выбирать не приходилось. Костоправы Колонии вообще резали по живому и лелеяли мечту обнаружить заменитель пенициллина. – Чем быстрее мы доберемся до Забора, тем лучше.

Тарбак уставился на тусклый шар «привидения».

– Я иду на Космодром, – сообщил он.

Лещинский подобрался.

– Черта с два! Мы идем в Колонию к Корсиканцу! – И видя, что чужак не понимает, договорил спокойным тоном: – Только в Колонии мы будем в безопасности.

– Я в своем мире, и я не пленник. Я ведь не пленник?

Лещинский развел руками. Мол, еле живой, без оружия. Какая я тебе угроза?

– Нет. Конечно, нет.

– Меня долго держали в плену. Я должен делать свою работу.

– Слушай, твой мир – уже не твой. В городе поселилась орда самых разных инопланетяшек – от ящеров до птичников, и я не говорю о тысячах гуманоидов, вроде нас с тобой. Они пользуют этот мир по полной, и им твои законы – не указ. Ты попался один раз, попадешься и во второй.

Тарбак склонил голову.

– Я нахожу смысл в твоих словах. Найди и ты в моих. Я – наблюдатель. Меня ждет работа на Космодроме. Очень важная работа. От этого зависит все.

– Так уж и все? – усмехнулся Лещинский.

Тарбак указал в потолок, как в первую минуту их встречи на корабле.

– У нас много объектов вне мира. Я должен следить за ними. Иначе они могут упасть на город. Ты видел кратер?

– Видел, – Лещинский почесал лоб под повязкой. – Так это, оказывается, ты недоглядел...

– Идем со мной на Космодром, – Тарбак положил руку Лещинскому на плечо. – Меня долго не было, и что-то уже, быть может, поздно спасать. Но я должен проверить. Я сделаю свое дело, а потом пойду с тобой в Колонию.

Лещинский задумался. Заставить Тарбака выполнить то, что приказал Корсиканец, он не может. Джинн вырвался на волю, делает, что хочет. Точнее, что считает нужным. Это пришельцы ничего не знают об аборигенах и привыкли воспринимать их как абстракцию. А у местных, оказывается, тоже имеются свои заботы.

– Как называется ваша планета? – спросил Лещинский, чтобы оттянуть время принятия решения.

– Земля, – ответил Тарбак.

Лещинский фыркнул. У него возникло подозрение, что абориген морочит ему голову.

– Земля под Небесной Аркой, – поправился Тарбак. – Или Земля-под-Аркой. Я не вижу разницы. Мы все называем родные миры одинаково.

«М-да, – подумалось Лещинскому, – Сахарнов будет счастлив, если я заявлюсь к его камельку в компании этого уникама».

– Когда придем в Колонию, я познакомлю тебя с одним хорошим человеком. Он профессор... не понимаешь? Учитель. Старый, умный, местами занудный, вроде тебя.

Ладно, – Лещинский махнул ладонью, словно муху отогнал. – Космодром далеко. Если у вас не изобрели телепортацию, то нам туда шагать и шагать.

– Я собираюсь подыскать подходящую машину.

Тарбак повернулся к «привидению». Призрачный шар послушно придвинулся к аборигену. В матовой глубине возникло переплетение спиралей, похожих на нити ДНК. Затем шар трансформировался в полусферу и развернулся плоской стороной к Тарбаку.

Вязь мерцающих иероглифов отразилась в круглых глазах аборигена.

– В двух кварталах находится лавка сложной механики, – сообщил он. – Предложение: не ждать окончания бури. Там мы найдем средство, которое на ходу.

Лещинский натянул на голову мокрый капюшон.

– Что ж, в путь – так в путь.

Дождь все еще шумел. Пик его неистовства миновал, теперь он напоминал скорее холодный душ среднего напора.

Тарбак снова шел впереди: размеренно и без лишних движений, словно бронеход на марше. Иногда, не сбавляя шаг, он выворачивал шею чудовищным образом и глядел на Лещинского, проверяя, а не отстал ли попутчик.

Лещинский брел, посмеиваясь про себя. И дело было не в снадобье, которым Тарбак запечатал его рану, словно сургучом. Почему-то вспомнилась «Песня о друге» Высоцкого. «Если ж он не стонал, не ныл, пусть он хмур был и зол, но шел...»...

Вот так, в одной связке. Да, до самой вершины: их цель возвышалась над остальными зданиями причудливым кособоким сооружением.

– Почему вы всегда строите криво? – спросил Лещинский, разглядывая «Пизанскую башню», нависшую над крышей соседнего дома.

– Как это – криво? – не понял Тарбак.

– Проехали, – буркнул Лещинский и перевел взгляд на рифленую металлическую плиту, закрывавшую вход в строение.

Навстречу Тарбаку выплыло «привидение». Струи дождя порождали внутри бесплотного шара помехи, похожие на водяную рябь.

Все произошло быстро. Беззвучный диалог длился не больше пяти секунд. Над фронтоном вспыхнуло неоновое освещение, металлическая плита отъехала в сторону. За ней оказалась обычная пластиковая дверь.

Лещинский хмыкнул. Похоже, у Тарбака были некие особые полномочия, и перед ним открывались все двери в городе. В таком случае, он мог стать втрое ценным союзником. Не следовало портить с ним отношения.

Внутри башни сияли огни, да так ярко, что Лещинскому пришлось на какое-то время прикрыть глаза ладонью. Напротив входа располагался высоченный рекламный щит. Спиральный пандус поднимался к крыше, на нем бок о бок стояли шагающие машины самых разных типов и расцветки. Каждая из них была подключена к контактной сети; под открытыми «фонарями» угадывалось свечение пультов, находящихся в режиме ожидания.

Вот такие сокровищницы встречались в неказистых с виду строениях. Можно было перерыть половину района, повсюду находя лишь рухлядь, черепки и ни на что не годные безделушки, но здание, забитое до отказа функционирующей техникой, попросту не заметить. Тут нужно было знать, где искать. Абориген знал, точнее, умел доставать такую информацию из городской сети.

Тарбак поднялся по ступеням на платформу, что возвышалась над полом. Оглянулся в

ожидании, когда Лещинский перестанет таращиться на технику и последует за ним. Как только гвардеец взобрался и подошел к Тарбаку, перед которым корчилось и меняло форму очередное «привидение», платформа вздрогнула и поползла вверх.

Лещинский устало привалился к хромированным перилам и поинтересовался:

– Мы в кредит берем или как?

Абориген не ответил, теперь одним глазом он смотрел в глубь «привидения», на переплетение морозных узоров иероглифов, вторым – на машины.

– Нам подойдет этот...

С одной стороны платформы опустились перила. На пандусе ожил треножник с короткими мощными шасси, двойным «фонарем» и бульдозерным отвалом, покрашенным в «тревожный» синий цвет, на гидравлических манипуляторах. Его турбины подняли ветер и взметнули пыль.

– Почему они все – на трех ногах? – не удержался Лещинский. – Неудобно ведь!

– А как может быть иначе? – рассеянно удивился Тарбак.

Бульдозер шагнул вперед и переместился на платформу. Абориген дважды фыркнул, затем обошел машину, отыскал лесенку и принялся взбираться. Лещинский поплевал на ладони и с привычной сноровкой поднялся в кабину. Сразу же закрыл «фонарь», вывел пульт из ждущего режима, приладил на перебинтованную голову гарнитуру.

Тарбак возился дольше, но у него было время подготовиться: платформа опускалась неторопливо.

Камеры заднего вида показали, что в стене башни открывается проход. Ворота были расположены напротив дверей, которыми воспользовались Лещинский и Тарбак, строители «лавки сложных механизмов» спрятали их за рекламным щитом. Лещинский увидел, как в свете, падающем из ворот, серебрятся струи дождя.

Тарбак взялся за рычаги. Бульдозер, мелко переступая шасси, развернулся на платформе.

А затем двинул размеренным шагом в ночь.

Тарбак направил трехногий «бульдозер» в тоннель, который был проложен под заливом. Абориген сверился с картой в бортовом компьютере и сообщил, что они доберутся до Космодрома кратчайшим путем, минуя Колонию на безопасном расстоянии.

Лещинского этот маршрут устраивал. Чем дальше от патрульных флаеров и бронеходов – тем лучше. Ребята не обрадовались бы при виде прущей из диких кварталов дуры с опущенным отвалом. Такая бы проделала дыру в Заборе в два счета. Но прежде ее бы заметили с воздуха и встретили огнем тяжелых излучателей.

Освещение в тоннеле не работало, в лучах фар то и дело появлялись кузова колесных и шагающих машин, брошенных посреди дороги. Тарбак не очень хорошо справлялся с управлением. Когда Лещинскому надоело терпеть сотрясения от ежеминутных столкновений, он взялся за рычаги сам. Гвардеец прибавил ходу, опустил отвал ниже и повел бульдозер, ориентируясь по радару. Малогабаритные машины сносил с дороги, а тяжелые огибал с привычной сноровкой, наработанной во время уличных боев.

– Что за бедлам... – процедил он, направляя бульдозер в зазор между многоколесным грузовиком и уткнувшейся в стену тоннеля шагающей цистерной. – Что стряслось? Почему вы бросили все внезапно и вот так? Вы от чего-то бежали?

– Мы не бежали, – ответил Тарбак невозмутимо. – Просто пришло время. Путь позвал. У вас разве такое не случается?

– Что ты имеешь в виду? – Лещинский покосился на соседний «фонарь», за затемненным стеклом очертания Тарбака не просматривались, но ему казалось, что чужак тоже смотрит в его сторону.

– Когда все растворяется в Пути, – пояснил Тарбак.

– Нет, – усмехнулся Лещинский, снова поворачиваясь к дороге. – Случается, саранча мигрирует. Лосось плывет во время нереста против течения. Киты выбрасываются на берег. Но с людьми такого не происходит.

– Предположение: ты не так хорошо знаешь свою расу, как думаешь.

Лещинский не ответил, только переключил фары на дальний свет да повысил передачу: впереди был пустынный отрезок шоссе. После жизни бок о бок с арсианцами, нгенами и птичниками у него выработался иммунитет к нечеловеческой логике и заморочкам, понять которые представителям другой цивилизации не под силу. Лучше не спорить, суть все равно со временем прояснится. Заперты в этом мире, как заключенные в одной камере, не сбежать. Волей-неволей приходится искать пути к взаимопониманию.

...На выходе из тоннеля они протаранили заслон из разномастных машин. Грохот при этом стоял такой, что, наверное, сам Корсиканец проснулся. Примерно через километр они бросили захромавший бульдозер в чащу укропных деревьев и продолжили путь своим ходом.

Было раннее утро, дождь прекратился. Сквозь разрывы в тучах виднелось подсвеченное алыми рассветными лучами Чертово Коромысло. На востоке, на фоне кривобоких небоскребов, словно сошедших с иллюстрации к «Хребтам безумия», растекалось золотистое зарево.

Примерно через полчаса послышался нарастающий гул турбин. На фоне низких фиолетово-черных туч флаер был незаметен; Лещинский и Тарбак поспешили спрятаться под мостом возле химзавода, на котором аборигены производили жидкий кислород для своей

космонавтики.

– Он не будет долго искать, – прошептал Лещинский, прижимаясь спиной к эстакаде. – Скоро повернет на базу. Но бдительность усилят. Не исключено, что направят к северной границе пару бронеходов.

– Кого направят? – Тарбак удивленно уставился желтыми глазами на гвардейца.

– Мы так величаем ваши шагающие боевые машины. Кстати, как вы их называли сами?

– Это не имеет значения, – увильнул Тарбак. – Так, как ты сказал, – тоже хорошо.

Вдали бабахнуло. Загуляло эхо среди пустынных дворов и глухих бетонных заборов. Зазвенели стекла в окнах заводского корпуса. Осыпалась листва с чахлых укропных деревьев.

– Все, – Лещинский отвалился от эстакады. – Взял звуковой барьер над Космодромом.

Можем идти дальше.

И они пошли. Вдоль трубопровода, ведущего к стартовым столам и монтажно-испытательному комплексу. Держась в тени. В считанные секунды находя укрытие при малейшем подозрительном шуме. Фронтир Колонии проходил в пяти километрах южнее, но в буферной зоне можно было напороться на патруль гвардейцев или на головорезов-хитников.

Тянулись пустыри: заросшие колючими кустарниками, замусоренные донельзя еще во времена аборигенов. В траве и среди поросших охряным мхом камней копошились угольно-черные аспиды. Насекомые, похожие на земных кузнечиков, скакали с ветки на ветку, с былинки на былинку и встревоженно стрекотали путникам вслед. Пахло пылью, сухой травой и какими-то цветами. Из жаркого марева на горизонте постепенно вырисовывался почти правильный параллелепипед монтажно-испытательного комплекса. Чуть в стороне обретала объем и осязаемость похожая на поганку башня Диспетчерской.

Лещинский на ходу подкрепился глотком воды, передал флягу Тарбаку. Чужак без всякой брезгливости припал к горлышку. Задергал хрящеватым кадыком, захлюпал лицевыми жабрами, роняя на одежду капли.

Путь к Космодрому забрал около часа. Ночная хмарь почти разошлась. По небу теперь плыли белоснежные, чуть размазанные ветрами, бушевавшими на высоте, кучевые облака. И солнце жарило беспощадно, словно в последний день. Оно то пряталось за облаками, то сияло в прорехах, заливая город расплавленной медью.

Вот и пришли...

Забор давно разрушен. Секции стоят через одну, а рядом – стена бурьяна почти такой же высоты. Конструкции ближайшего стартового стола едва угадываются вдали. Полусферы антенн дальней связи смотрят в небо, в их оплетенных плющом чашах давно гнездятся птицы. Громада монтажно-испытательного комплекса окружена десятком строений поменьше. Там им делать нечего, им нужно к «поганке» Диспетчерской башни.

Они пробились сквозь заросли сорняка. Тарбак обзавелся уймой ссадин. Его белая, словно присыпанная пудрой голова покрылась розовыми, похожими на экзему пятнами.

– Вот теперь ты очень похож на человека, – высказался Лещинский, снова свинчивая с фляги крышку.

Тарбак ничего не ответил, только сверкнул глазами. Затем протянул Лещинскому руку, требуя, чтобы гвардеец оставил пару глотков и ему.

Массивная плита, блокировавшая вход в Диспетчерскую, была покрыта потеками и похожими на прорвавшиеся прыщи кавернами. Почуввав присутствие живых существ, сейчас же из воздуха соткалось «привидение».

Тарбак прошел сквозь него и положил ладонь на плиту.

– Пробовали вскрыть лазером? – Палец без ногтя скользнул вдоль глубокого шрама на металлической поверхности. – Не самое умное решение.

Лещинский пожал плечами. Поглаживая небритый подбородок, он рассматривал башню.

Высокая, метров двадцать высотой. Венчавший ее купол был сделан из затемненного плексигласа. Снизу купол подпирали фермы, на которых располагались прожектора и антенны.

Когда гвардейцы не смогли прожечь вход в башню, последовало предложение высадиться на купол из флаера и вскрыть плексиглас. Но Корсиканец был в тот день не в духе, поэтому он лишь махнул на затею рукой. «Над нами столько всякой хрени крутится, – сказал он. – Лучше не лезть своими грязными лапами в чужой космос».

Тарбак повернулся к «привидению», и оно замерцало, отреагировав на взгляд аборигена. Наверху, среди ферм, загудели электромоторы. Показалась решетчатая платформа подъемника, она опускалась на тросах, чуть покачиваясь.

– Значит, ты работал наблюдателем в каком-то другом месте, когда наши пытались прожечь вход в башню, – проговорил Лещинский. – Где же, любопытно?

– В другом месте. Ты правильно сказал, – ответил Тарбак, забираясь на платформу, что зависла в метре над землей. – Идем, нужно торопиться.

У Лещинского закружилась голова, когда платформа, покачиваясь, рванула вверх. К счастью, подъем занял всего минуту. Зашелестели створки технического люка. Промелькнули фермы и волноводы, затем платформа оказалась в освещенном холодным светом зале. Неоновые трубки мерцали, некоторые гасли и через миг зажигались снова. Натужно гудела вентиляция. Стоял тяжелый запах горячего пластика.

Тарбак уверенно направился к дверям. Лещинский, озираясь, последовал за аборигеном.

Сначала – коридор, затем – лестница с хромированными, звонко отзывающимися на шаги ступенями.

Несмотря на любовь аборигенов к кривизне и неправильным пропорциям, верхний зал был идеально круглым. Мигали огнями ждущего режима подковообразные пульта. Висело под куполом огромное «привидение», возле него, словно луны, кружили «привидения» поменьше. Из окон открывался вид на Космодром и на окраину города.

– Сколько тебе понадобится времени? – Лещинский устало опустил на кресло перед одним из пультов.

Тарбак неуверенно похлопал лицевыми жабрами. «Привидения» тем временем ожили, внутри их заметались объемные узоры. «Операционная система загружается», – усмехнулся про себя Лещинский.

Мелкие «луны» окружили Тарбака. Внутри их возникали причудливые образования. Появлялись и трансформировались в другие, более сложные. Абориген взопрел, ссадины и пятна на его лице стали еще ярче, на черепе заблестели капли пота.

Вышли из ждущего режима пульта. На каждом засветились экраны.

– Если мы надолго, то надо найти воду и еду, – расслабленно бросил Лещинский.

В зале на несколько секунд потемнело: это пронеслась мимо купола стая птиц. Лещинский подобрался: он увидел, как разворачиваются антенны дальней связи и как беснуются в воздухе потревоженные обитатели их чаш.

– Тарбак, блин! А аккуратнее это было сделать нельзя? Теперь ждем гостей!

Абориген не отвечал. Он камлал, впав в транс. В «привидениях» сменялись узоры,

словно в калейдоскопе. На экранах ползли вереницы иероглифов, похожие на морозный иней.

Лещинский встревожился. Он выбрался из кресла, прошелся по залу, похрустывая костяшками пальцев и прислушиваясь к гулу оборудования. Потом остановился перед окном, обращенным к городу.

Может, все к лучшему. Гвардейцы, само собой, не разобравшись, палить не станут. Помогут добраться до Колонии. Флаер запасной вызовут, чтобы не тащиться с Тарбаком через буферную зону. Корсиканец, конечно, устроит выволочку, что не привел аборигена сразу же, но победителей не судят. Побухтит и перестанет. Оксанка уже заждалась. Вот только не вызывала азарт мысль заводить с ней детей. Какие дети? Зачем плодить поколение, обреченное на нищету и вечное кровопролитие? Неужели никто этого не понимает?

...А затем на пультах стали вспыхивать синие «тревожные» огни. По одному или целыми россыпями. Мерцающая или светящаяся постоянно. Холодные отсветы легли на свод купола и на пол.

– Тарбак! – Лещинский повернулся к аборигену и не удержался от гримасы: множество вспаливших ссадин и синий свет, бьющий в лицо, сделали Тарбака похожим на лежалого мертвеца. – Что-то не так, браза?

Тарбак не отреагировал. Лещинский почувствовал раздражение. Подойти бы к аборигену и хорошенько встряхнуть за шкуру, чтобы не борзел...

Гвардеец, скрипя зубами, отвернулся. Опустил взгляд на экран ближайшего пульта. И с изумлением увидел на нем центр Колонии: словно на спутниковой карте Google. Узнать завод, площадь и ближайшие кварталы было проще простого. И уж тем более не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять смысл синей рамки и перекрестия, что сходились на «колбасном цехе».

Лещинский почувствовал дурноту. Руки и ноги сковало оцепенение, словно в кошмарном сне. Сердце замерло, оборвав тревожный ритм.

Взгляд остановился на окне, обращенном к городу.

Рядом с Чертовым Коромыслом сверкнуло: будто ранняя звездочка зажглась в серо-голубой вышине.

Пылающий раскаленной плазмой луч рассек облако и вонзился в центр Колонии. Взрывная волна взметнула в небо тонны пыли. Городские постройки поглотила муаровая мгла.

Следом за первым горячим торнадо последовал второй, а затем – третий, четвертый...

Небеса обрушили на город свой гнев, и даже солнце поспешило спрятаться за тучами пыли и дыма, словно было не в силах смотреть на то, что творится на земле.

Орбитальные мазерные установки запускались одна за другой. Они сияли в небесах смертоносным созвездием. Их было много, чертовски много, и Тарбак, вероятно, смог активировать и скоординировать лишь те, что находились в тот момент над Солнечным заливом. С упорством и затаенным ликованием маньяка он выжигал из тела города районы, где обосновались люди, нгены, арсианцы, птичники, ящеры... Пылал центр Колонии, Чумной городище, Грязный порт. Над заливом поднимался горячий пар.

Лещинский одним прыжком переметнулся к Тарбаку, схватил за плечо, встряхнул что было сил. Затрещал рукав, отрываясь по шву, Тарбак пошатнулся.

– Прекрати! Останови! – заорал Лещинский аборигену в лицо.

Тарбак вяло попытался освободиться. Одним глазом он смотрел на Лещинского, вторым – в глубь висящего у самого носа «привидения».

– Останови! Хватит! – Лещинский уже понимал, что все без толку. Необратимое уже свершилось. И не было точки сохранения, чтобы переиграть ситуацию заново: не поддаться на уговоры чужака, не позволить себе вспылать к нему доверием. Лучше было утонуть вместе с ним в штормовом море. Или остаться на растерзание рептилоидам.

Ничего уже не изменить. Горят в огне Оксанка и профессор Сахарнов, Корсиканец и Данелян, Гаррель и Польшов. И все... Все!

Пол задрожал. В окна ударил ярчайший свет, а затем башню окутало плотное облако пыли. Очередной горячий торнадо принялся гулять по Космодрому.

Лещинский почувствовал, как кренится Диспетчерская. Невдалеке грянул взрыв, и прочнейший плексиглас покрылся сетью трещин.

И тогда Лещинский ударил. Отчаянно и зло. Вложив в движение всю силу и все чувства, что переполняли его в эти страшные секунды.

Апперкотом в челюсть. Словно молотом.

Руку словно раскаленным стержнем прошило от кулака до локтя. Раздался сухой треск; Тарбак запрокинул голову, взмахнул руками и упал, роня кровавую слюну, через перила на лестницу. Отсчитал спиной ступени и свалился бесформенным кулом поперек коридора.

Лещинский стоял посреди зала, безвольно опустив плечи. Стена пыли и дыма мешала рассмотреть, что творится снаружи. Грохот и тряска прекратились.

На пультах гасли огни. Малые «привидения» снова сбились в кучу возле большого, переплетения узоров внутри их блекли и таяли. Словно в сказке, когда со смертью Коцея его магия теряла силу, а армия и дворец обращались в прах, то же самое происходило в Диспетчерской. Тарбак был мертв, и разбуженные им силы снова впали в летаргию.

Лещинский не знал, что делать дальше. Мысль, что он стал соучастником убийства тысяч людей и нелюдей, сводила с ума. От нее тошнило и бросало в жар. А что, если он покинет башню и окажется один на один с опустевшим миром? Единственное разумное существо – на всю планету! Это достойное наказание за то, что он позволил маньяку, маскирующемуся под простофилю, сделать свое дело.

Медленно и шатко, словно тяжелобольной, он двинулся прочь из зала.

По лестнице вниз. Перешагнуть через лежащего в луже крови и собственных нечистот мерзавца Тарбака. В инженерную... На подъемник...

Лещинский передвинул рычаг. Заныли электромоторы, платформа поползла вниз. Из-за того, что башня наклонилась, спуск был неровным, и Лещинскому пришлось стоять, вцепившись в трос.

А вокруг клубились дым и пыль. Город было не разглядеть. Даже громада монтажно-испытательного комплекса едва просматривалась сквозь мглу. Что-то еще горело, искрились оплавленные волноводы, било факелом синее пламя из пережженной газовой трубы. Багровела, остывая, канава в метр глубиной – след, оставленный на земле мазерным лучом.

Лещинский побрел в сторону города.

Необходимо выяснить, что стало с Колонией. Может, кто-то уцелел? Может, кому-то нужна помощь?

От пыли и дыма хотелось кашлять. Сейчас бы пригодилась противопылевая маска, которую он потерял, удирая от ящеров. И совсем не думалось о том, что с собой у него – пустая фляга и ни крошки еды. А до Колонии – идти и идти через охваченные пожарами и перепаханые мазерами кварталы.

Задрожала земля, из-за серых клубов донесся низкий гул и ритмичный лязг. Через миг в дымной круговерти возникли светлые пятна фар. Бронеход на полном ходу вырвался из мглистой завесы и едва не затоптал Лещинского: тот чудом успел отпрыгнуть в сторону.

– Эй! – заорал вслед боевой машине гвардеец. – Стой! Стой, блин!

Бронеход перешел на шаг и развернулся.

Этой машине сильно досталось. Фонарь был разбит, половина брони отсутствовала, вместо левого пилона с оружейной подвеской – бахрома оборванных волноводов и разбитые гидравлические приводы. Баланс веса был нарушен, поэтому бронеход кренился и хромал.

– Браза! – раздался усиленный матюгальником знакомый голос.

– Гаррель? – у Лещинского отлегло от сердца. – Твою мать, Гаррель! Браза! Живой! – Он чуть было не кинулся обнимать шасси бронехода.

– Где абориген? – взволнованно спросил Гаррель.

– В башне! – взмахнул рукой Лещинский. – Он мертв. Я его убил. Это он все устроил... Браза, что там с Колонией?

Бронеход Гарреля развернулся. Из-под уцелевшего пилона вырвалась огненная стрела ракеты. Звякнул плексиглас Диспетчерской, и следом под куполом грянул взрыв. Горящие обломки посыпались на землю. Лещинский присел, обхватил голову руками.

– Ты с ума сошел?! – завопил он. – Абориген мертв! Зачем было палить?

Гаррель подвел бронеход к Лещинскому. От машины несло горячим железом, горелой изоляцией и мазутом. Лещинский с изумлением увидел, что сопло огнемета направлено в его сторону.

«Предатель. Изгой. Заслуживает смерти!» – стучали в голове мысли, точно молоток судьбы, выносящего приговор.

– Я что-то делаю не так... – проговорил расстроено Гаррель. – Смеющийся бог Шу-Арррель больше не улыбается мне...

– Браза, эта тварь обманула меня! – выпалил Лещинский уже сорванным голосом. – Абориген сказал, что ему нужно проверить орбиты станций, иначе они посыплются на город! Он сказал, что это его обязанность. Я ему поверил...

Бронеход шагнул вперед, Лещинскому пришлось попятиться.

– Это не должно было произойти, – продолжил отстраненным голосом Гаррель. – Я убил высокородного Нарреля, прежде чем остальные поняли, что хитники идут на переговоры. Я вовремя заметил нгена-шпиона, но он оказался живучим...

Лещинский развел руками.

– Что ты несешь, браза?..

– Я следовал за твоим бронеходом во время горячего торнадо, и я всадил тебе в корму гранату. Но ты не утонул в Канаве.

Лещинский обхватил руками голову, содрал бинты. Почувствовал, как из открывшейся раны стекает по щеке кровь. То, что говорил Гаррель, походило на бред. Арсианец сошел с ума, когда горячие торнадо обрушились на Колонию? Гаррель-Гаррель...

– Я направил бронеход на Космодром, когда увидел, что луч угодил точно в завод. Я понял, что это случилось не просто так. Но я не успел. Смеющийся бог не улыбнулся. Я облажался.

– Зачем тебе это все, браза? – Лещинский поднял взгляд на разбитый фонарь бронехода.

– Вселенную жрет раковая опухоль, – ответил Гаррель. – А я выжигая больные клетки.

– Больная клетка – это я? – Лещинский окончательно запутался. Он пытался осознать мотивы Гарреля, но видел лишь цепочку убийств, подвешенную в воздухе.

– Нет, ты – мой друг, – ответил после недолгой паузы арсианец. – Я пытался предотвратить то, что произошло. И то, что может произойти в будущем.

– погоди! – Лещинский выставил ладонь перед соплом огнемета, словно это могло его спасти. – Ты убил Нарреля, нгена и пытался убить меня, только чтобы Корсиканец не узнал об аборигене? Ты был в курсе, чем все закончится? Ты был в курсе, что Тарбак хочет уничтожить Колонию?

– Аборигену было наплевать на Колонию, – отозвался Гаррель. – Огонь орбитальных мазеров по населенным районам – лишь средство. Ему было нужно, чтобы больная клетка делилась. И она... Ты слышишь? – спросил он шепотом.

Лещинский размазал кровь по лицу. Завертел головой. Он ничего не видел, не слышал, не понимал. Реальность распадалась на вертлявые гранулы, в ушах стоял комариный писк, словно от контузии.

Подул ветер, и серые клубы на мгновение поредели. Там, за еще сильнее покосившейся Диспетчерской, среди битого стекла и горящих обломков, возвышалось влажно блестящее нечто.

Округлое, с червеобразными отростками в два ряда. Пульсирующее. Тщасься закрепиться на бетоне то ли белесыми корнями, то ли щупальцами. Из разверстой пасти с похожими на лепестки челюстями доносятся хлюпающие звуки.

Оно всегда голодно. Оно способно лишь жрать и извергать съеденное.

Оно отвратительно, и кажется, что подобному нет места во Вселенной.

Ветер меняет направление и окатывает Лещинского волной удушливого смрада. Лещинский делает первый шаг навстречу повернутой в его сторону пасти.

– Гаррель! Стреляй! Стреляй, браза! – испуганно лепечет он, не сводя глаз со склизкого шара и беспокойных щупалец. Эта гадость – как живая черная дыра. Засасывает в себя, стоит оказаться в поле ее зрения или того чувства, что заменяет ей зрение. И лучше сгореть в напалмовой струе, чем быть поглощенным бездонным чревом.

Но Гаррель почему-то медлит, не жмет на гашетку. Потом Лещинский слышит, как гудят сервомеханизмы, поднимая «фонарь». Потом – удар подошв по бетону: это Гаррель

выпрыгнул из кабины бронехода.

Землянин и арсианец идут друг за другом походкой кукольных человечков.

Вокруг клубятся дым и пыль. И ветер завывает в оплавленных волноводах.

Таблицы не лгали. Храм находился именно там, где они указывали, – на обрывистом мысу, омываемом желтыми водами Соленого озера. Издалека Храм можно было принять за скалу из красного песчаника, – причудливая фантазия пересмешиков словно соперничала с изысками ветровой эрозии. Повисшие в пустоте арки, контрфорсы, подпирающие разрушенную стену, прорезанные колоннады с фрагментами фриза... Годы не пощадили Храм, но он все-таки существовал, а на большее Натали и не рассчитывала.

Прежде чем продолжить путь, она окинула взглядом кочковатую пустошь, заросшую багряной растительностью.

Все спокойно. Даже безмятежно. Бледно-голубое небо без единого облачка. Солнце взойшло три часа назад и уже изрядно припекало. Если Натали не доберется до тенистых сводов Храма за пару часов, тепловой удар ей обеспечен. Не спасет и озерный ветер, редкими порывами долетающий в глубь пустоши.

Натали машинально сняла с пояса фляжку. Встряхнула. В ней еще булькало, но Натали решила приберечь последний глоток кислицы. На всякий случай. Шатуны поговаривали, что в Храме обязательно должны сохраниться колодцы с питьевой водой, но мало ли о чем болтают долгими ночами у костров. Даже сам великий вождь Том Два Ворона был не прочь потешить благодарных слушателей байками, при этом безбожно привирая. Хотя ему хватало историй вполне правдивых. Натали научилась хорошо различать, что в словах старого индейца был, а что – сказки. Правдивые истории она тайком записывала для будущей книги о великом кочевье североамериканских индейцев в другой мир.

Перескакивая с кочки на кочку, Натали двинулась дальше. Жесткая трава металлически взвизгивала под толстыми рифлеными подошвами. Не будь на ногах стареньких вибравов, Натали давно бы располосовала пятки в кровь. В здешней почве содержалось слишком много железа. Окислы окрасили этот мир в цвета ржавчины. Железо текло не только в жилах местных животных, но и придавало некоторым видам растительности упругость стали. Не напрасно равнины, лежащие к западу от Соленого озера, индейцы называли Железными прериями. Жаль только, что трава все-таки недостаточно жесткая. Вряд ли она помешает преследователям настичь одинокую женщину.

Жара и однообразное движение притупляли внимание. Натали приходилось поминутно встряхивать отросшими волосами и озираться. Над пустошью дрожали струи нагретого воздуха. Обманчивые миражи могли скрыть целую армию, не говоря уже о группе зубоклювых, которая со вчерашнего дня шла за Натали по пятам. Трудно сказать, что им могло понадобиться. Что можно отнять у человеческой женщины, в рюкзаке которой, кроме овсяных лепешек и старых таблиц, ничего нет? Разве что – жизнь...

Но и эта овчинка не стоила выделки. Зубоклювые хорошо знали, что жизнь человека из Племени стоит недешево. Барабан револьвера-самоделки набит патронами, а длинный нож из рабочего когтя бродячего муравьеда в опытной руке разит без промаха. Прежде чем они порвут ей горло, Натали успеет отправить к инопланетным праотцам двух-трех, а то и четырех бандитов.

Жара усиливалась. Пот заливал глаза. Ноги начинали уставать от непрерывных прыжков. Натали то и дело останавливалась, уверяя себя, что необходимо осмотреться. Но марево над пустошью делало это занятие бесполезным. Даже для того, чтобы просто не потерять

направление, приходилось напряженно вглядываться в знойное колыхание воздуха. А красноватая громада Храма, как заколдованная, все еще маячила вдалеке. Усталость навевала сонливость, едва не сыграв с Натали злую шутку.

К счастью, рефлексы не подвели. Когда под ногами разверзлась пропасть, Натали успела отшатнуться, упала на спину – таблицы немедля впились под лопатку – перекатилась на живот и, работая локтями, отползла от края. Несколько мгновений она лежала ничком, переводя дух. Потом перевернулась, села, подобрала ноги, заглянула в бездну, от которой ее отделяли считанные дюймы.

Все-таки сведения пересмешников безнадежно устарели. Они ничего не говорили о том, что мыс, на котором стоит Храм, отделен от остальной суши широкой промоиной, на дне которой плещутся соленые волны. Хотя промоина вполне могла образоваться после того, как были составлены таблицы. Кто знает, сколько веков минуло с тех пор, когда умер последний пересмешник, разбирающийся в иероглифах. За это время и Храм мог исчезнуть. Обрушить своей тяжестью ставший островом мыс, когда озеро подмыло его основание. Натали несказанно повезло, что она успела добраться до Храма, прежде чем его руины скрылись под волнами.

Хотя о везении говорить пока преждевременно. Нужно еще перебраться на ту сторону.

Натали отцепила фляжку и осушила ее до дна. Кислица, как всегда, придала сил. Натали сняла рюкзак, вытащила моток нейлонового троса. Отцепила от клапана карабин со складной кошкой. Щелчок – и якорек оцетинился стальными когтями. Спасибо старику Тому, он сумел наладить производство разных полезных штук прежде, чем его недалекие потомки похерили большинство начинаний вождя. Раскручивая в руке трос, Натали всмотрелась в руины. Над обрывом на той стороне высились остатки колоннады. Часть фриза сохранилась, и если бросок будет достаточно ловким...

Утяжеленный кошкой трос со свистом вспорол горячий воздух. Натали, затаив дыхание, смотрела, как искра якорька исчезает за резной глыбой фриза. Рывок. Натали с облегчением выдохнула. Сегодня ей везло. Кошка зацепилась сразу. Остальное было делом техники. Натали изо всей силы несколько раз дернула веревку, кошка держала прочно, затем отбежала, оттолкнулась двумя ногами и полетела в пустоте. Подошвы вибрам шваркнули о камень на той стороне пропасти. Натали с трудом сохранила равновесие, выпустила веревку, упала на четвереньки. Отдышалась и только потом медленно выпрямилась на чуть дрожащих ногах.

Вблизи Храм выглядел еще более разрушенным, чем издали. Натали припомнила план, начерченный на таблице «Воздвижения». На нем храмовое здание напоминало ловец снов, который когда-то на другой планете показывал ей старик Два Ворона. Включив воображение, можно было предположить, что эти колонны были частью кольцевой галереи, окружавшей главное строение, а вот эти тянулись, как радиальные паутинки в ловце. Правда, центр архитектурной композиции формой отличался от «дырочки» скво старика Тома. Не круг, а треугольник, который в двухмерной проекции обозначал пирамиду. Теперь, стоя в трех десятках шагов от главного строения, Натали ясно видела, что перед ней именно пирамида – угловатая вершина отчетливо выделялась на фоне блеклого неба.

Поглядывая по сторонам, Натали пошла в обход главного строения. От уступчатых стен веяло зноем. Прикасаться к ним не хотелось. Несколько раз ей пришлось перебираться через груды щебня, в которые превратились рухнувшие колонны. Солнце припекало, пить хотелось все сильнее. Натали уже начала сожалеть о затеянной аванюре. Ведь если она не найдет в Храме воду, придется спешно возвращаться к становищу. И неизвестно, будет ли у нее вторая

попытка. Шатуны – народ непостоянный. Взбредет что-нибудь в голову, и племя снимется с места, каким бы привлекательным оно поначалу ни казалось, и поминай как звали.

Натали обогнула ребро пирамиды и увидела черный треугольник портала, четко выделяющийся в массиве красного ноздреватого камня. Мелкими шажками, почти на цыпочках, подобралась к нему и заглянула в темный, веющий прохладой зев. Никакой водой здесь не пахло. Пахло пылью и чем-то неуловимо знакомым. И еще был звук, мало совместимый с тишиной заустения, но вполне объясняющий знакомый запах. Пожалуй, идти внутрь пирамиды не стоило. Воды там точно не добыть, зато в тенистой прохладе могут скрываться хищники. Наткнуться на муравьеда, переваривающего завтрак, или вляпаться в медузу, прозрачным студнем скопившуюся на дне какой-нибудь ямы, боже упаси...

Странный звук повторился. Натали отпрянула от прохода, вытащила из кобуры револьвер и, прижимаясь рюкзаком к шершавой стене, несколько минут стояла, глядя на игру солнечных бликов на поверхности озера. Потом она вспомнила о коробке со светляками, которую подарил ей Майк Дремлющий Ветер. Прозрачная круглая штуковина, битком набитая бессмертными светящимися жучками, была редким артефактом былой цивилизации зубоклювых, которые когда-то строили дома, похожие на деревья, усеянные птичьими гнездами, перебрасывали через каньоны и реки паутину воздушных дорог, оттискивали на глиняных табличках философские трактаты и поэмы, засеивали поля злаками и орошали пустыни, а теперь превратились в орды бродячих стервятников, подбирающих все, что плохо лежит, и убивающих тех, кто не способен сопротивляться.

Натали достала коробочку, слегка встряхнула ее. Жучки проснулись, засуетились, налились фосфорическим зеленым сиянием.

Любопытство – сильнее страха. Держа коробку перед собой, Натали короткими шажками переступила через порог портала и оказалась внутри пирамиды. Овал мерцающего света лег на стену, выхватив фрагменты древней фрески. У Натали захватило дух. Такого она еще не видела в мире, с легкой руки Тома Два Ворона названном Колорадо, но, несомненно, имевшего собственное название. Фреска тянулась узкой полосой на уровне глаз. Забыв о недавнем страхе, смутно знакомых запахе и звуке, Натали медленно пошла вдоль изображения. Краска выцвела и местами осыпалась, но все равно можно было разобрать зубоклювых, которые что-то сооружают, куда-то плывут на барках вычурной формы, сражаются, собирают урожай, погребают мертвых.

Натали шла и шла, и история этого ржавого мира разворачивалась перед ней, словно свиток. Она увидела и то, о чем даже не подозревала. Зубоклювых, несмотря на оперение, природа лишила способности летать, но на фреске они летали. Не сами, а при помощи машин, видом напоминающих суповые тарелки. Тарелки парили среди облаков и даже среди звезд. Натали так залюбовалась фреской, что едва не свалилась со ступенек, которые поджидали ее в темноте. Очнувшись от наваждения, она сразу вспомнила, где находится.

Перед Натали зияла темная впадина колодца, в глубь которого уводили ступени. Странный, тревожащий душу звук доносился оттуда. Удобнее перехватив рукоять револьвера, Натали начала спускаться. Светляки, словно желая помочь, неистово заметались по своему прозрачному узилищу. Овал света стал шире и ярче. До дна колодца оставалось всего несколько ступеней, когда она обнаружила источник звука и запаха. Натали едва не рассмеялась в голос, поняв, почему они показались ей столь знакомыми. На самом дне колодца, уткнувшись лицом в согнутый локоть, спал, оглашая каменный мешок заливистым храпом, мужчина, который, судя по запаху, не мылся уже много дней.

Вечерело. Над главным стойбищем Племени поднимался дым от костра. Возле огня сидела старая скво, которую все почитали как прорицательницу. Старуха дымила длинной трубкой – ведь курение привилегия старух. Рядом, прямо на утопанной земле, расположились обитатели стойбища – все, от мала до велика. Старуха-прорицательница не часто делилась мудростью со всем Племенем, поэтому такое событие нельзя было пропустить.

Вельва Говорящая с Луной выпустила из ноздрей две струи дурманящего дыма и продолжила:

– Вигвам его на склоне высокой горы. Из дымохода вечно курится красный дым, который, как облако от жертвенных костров, поднимается прямо к отверстию, оставленному на верхушке небесного вигвама. Баксбакуаланксива живет со своей скво Коминокуой, ужасной женщиной, которая готовит ему тошнотворные яства. Ей помогает служанка-рабыня Кинкалалала. Она должна находить новые жертвы и собирать трупы.

У порога этого дурно пахнувшего вигвама притаился еще один раб – черный ворон Коакскоаксуалануксива. Он выклевывает глаза трупам, которыми насытился Баксбакуаланксива. У ворона есть подружка Гоксок – волшебная птица, обладающая могучим клювом. Она высасывает мозги из черепов, которые хозяин разбивает одним точным ударом. А неподалеку от вигвама ошивается в ожидании подачи медведь-гризли Айаликилал, хотя у него есть свой вигвам...

Старая Вельва сделала глубокую затяжку, глядя на затаивших дыхание слушателей зажавшими, выцветшими глазами.

– Любой юноша Племени, – снова заговорила она, – может искать покровительства Баксбакуаланксивы. И если юноше повезет, он присоединится к числу избранных. Он сможет есть мясо зубоклювых сколько влезет...

Пораженные этим известием, сидящие подле ее ног юноши несколько мгновений молчали, а потом разом, наперебой загомонили:

– Расскажи, бабушка Вельва, как найти нам покровительства Баксбакуаланксивы? Мы тоже хотим есть вдоволь мяса зубоклювых!

Не выпуская трубки, Говорящая с Луной мелко-мелко затрясла головой, что означало у нее радостный смех. Юноши терпеливо ждали, когда она заговорит снова. Переведя дух, прорицательница принялась ритмично раскачиваться и напевать:

– Жил в стародавние времена могучий вождь по имени Нанвакаве. И было у него четверо сыновей. В те дни войны его племена стали один за другим куда-то пропадать. Горько возрыдали женщины, распустив косы, раздирая на себе одежды и причитая: скоро не останется у нас ни мужей, ни сыновей, ни братьев!

Наконец чаша терпения вождя переполнилась, призвал он в один прекрасный день своих сыновей – старшего Тавиксамае, второго по старшинству – Коакоасилилагили, среднего – Якуа и самого младшего – Нилилоку и потребовал внимательно его выслушать.

«Сыновья мои, – сказал им Нанвакаве, – отправляйтесь в горы, и когда увидите на склоне горы вигвам, из которого валит дым, красный, как кровь, не смейте в него входить. Это дом Баксбакуаланксивы. Не входите и в другой вигвам, над которым курится серый дым, это – жилище Айаликилала, медведя-гризли. Туго придется вам, коли войдете к нему. А

теперь ступайте, могучие мои сыновья, да глаза держите пошире, чтобы все видеть вокруг, не то не будет вам пути назад...»

Углубляясь в древнюю сказку, которая родилась совсем под другим небом, старуха-прорицательница все сильнее раскачивалась и пела все заунывнее. Слушатели впали в транс и тоже принялись раскачиваться и подвывать, вторя Говорящей с Луной:

– Рано утром юноши попрощались с отцом и пустились в дорогу. Лишь к вечеру подошли они к вигваму, из дымохода которого курился серый дым.

«Вот оно, жилище гризли, – догадался старший брат Тавиксамае. – Этот негодный медведь, видно, и слопал наших воинов. Давайте проверим, так ли уж прав был наш отец, наказывая нам не входить в его дом?»

Когда они подошли поближе к вигваму, из-за полога вышел медведь. В зубах он держал окровавленный кусок человеческого мяса.

«Глядите! – закричал старший. – Это, должно быть, кровь одного из наших! Пошли, давайте поскорее убьем медведя!»

Весь остаток дня четверо братьев отважно боролись с медведем-гризли, который то и дело угрожающе обнажал большие желтые клыки, пытаясь схватить кого-нибудь из них. Но вот наступили сумерки, и старшему, наконец, удалось нанести ловкий удар дубиной и расколоть Айаликилале череп. Медведь замертво повалился к ногам братьев. Заглянув в вигвам медведя, они были поражены, увидев, что повсюду разбросаны человеческие кости и черепа.

«Ладно, пошли дальше, – сказал Тавиксамае, – наше путешествие еще не закончилось».

Шли они, шли. Уже наступила глубокая ночь, и ничего впереди не было видно, хоть глаз выколи. Наконец измученный младший брат Нилилоку, споткнувшись, упал без сил на землю. Он уже не мог двигаться. Тогда остальные улеглись рядом и заснули до рассвета...

Голос старой Вельвы нарастал, заполняя собой Вселенную. Дым трубки прорицательницы, словно паутина, сотканная лапками бабушки-паучихи, оплетал стойбище. Костер прогорел. Его красноватые угли соперничали с чужими созвездиями, на фоне которых черными силуэтами выделялись вигвамы стойбища. Ни женщина, ни ребенок, ни старик – никто не поднялся, чтобы подбросить в умирающий огонь хвороста. Даже воины сидели, как истуканы, зачарованные страшным сказанием. Даже пленный зубоклювый, привязанный к крестообразно воткнутому в землю жердюм, перестал стонать. Хотя, может, он впал в забытие.

– На следующее утро братья продолжили путь, – пела Говорящая с Луной. – Шли они, шли, карабкались вверх по крутому горному склону долго-долго, наконец вдали увидели вигвам, из которого валил красный, как кровь, дым, поднимаясь к небесному дымоходу. И сразу поняли братья, что перед ними жилище свирепого Баксбакуаланксивы.

«Пошли, братья, – сказал старший. – Посмотрим, прав ли был наш отец, наказывая нам не входить к нему».

Они прибавили шаг. Тавиксамае постучал по жерди, поддерживающей вигвам. Никакого ответа. Внутри ничто не двигалось. Ни шороха, ни звука. Старший снова постучал – тишина. Тогда братья широко распахнули полог, вошли в темное жилище.

Вдруг откуда-то из плотной темноты до них донесся женский голос.

«На помощь! – кричала женщина. – Корнем своим я глубоко ушла в землю. На помощь! Помогите мне, и я помогу вам... Ах, как долго я вас ждала!»

«Но что мы должны для этого сделать?» – спросил Тавиксамае.

«То, что я скажу вам, нужно исполнить в точности, – ответил женский голос из темноты, в которой они ничего не могли разобрать. – Когда дым рассеется, не обращайтесь внимания на то, что увидите. А сами пока выройте глубокую яму в полу. Положите камни в очаг и, когда они накалятся докрасна, бросьте их в яму».

Братья все сделали, как им велели, и она сказала:

«Ну, а теперь закройте яму досками. Как только Баксбакуаланксива вернется с охоты, он, надев маску, начнет танцевать. Это его дом, вы знаете?»

Не успела женщина договорить до конца, как братья живо набросали в яму раскаленных докрасна камней и закрыли досками. Едва справившись с этим, они услышали свирепый свист. У входа потемнело – это в вигвам втиснулась громоздкая фигура всемогущего Баксбакуаланксивы, который завопил страшным голосом:

«Хап! Хап! Хап! Хап! Есть! Есть! Есть хочу!»

А за ним в один голос закричали и страшная птица Гоксгок с громадным, с человеческую руку, клювом и черный ворон Коакскоаксуалануксива, любитель выклевывать глаза несчастным жертвам:

«Хап! Хап! Хап! Хап! Есть! Есть! Есть хочу!»

Баксбакуаланксива растянулся на земляном полу, и четверо братьев увидели, что все тело его – в разинутых, испачканных кровью ртах. Поднявшись с пола, страшный дух принялся рыскать туда-сюда в пропитанной едким дымом темноте, все время вскрикивая:

«Хап! Хап! Хап! Хап!»

Голос его выдавал нетерпение. А ворон, покрытый черными густыми перьями от клюва до хвоста, исполнял тем временем неистовый танец перед очагом, откуда поднимался красный, как кровь, дым. К ним присоединилась, наконец, и невиданная птица с большим, твердым, как камень, клювом, и вся троица заплясала перед огнем, то и дело выкрикивая:

«Хап! Хап! Хап! Хап!»

– Хап! Хап! Хап! – вдруг закричал юнец, который сидел ближе всех к старухе.

Он вскочил, вырвался из круга соплеменников и принялся метаться, выкрикивая:

– Хап! Хап! Хап!

Другие слушатели тоже вскочили, повторяя жуткое заклинание. И вот кто-то догадался подбросить в костер хворосту. Пламя поначалу примерялось к новой пище, а затем, распробовав, принялось с жадностью поглощать дар Железных прерий. Крики танцующих с каждым мгновением становились сильнее, свирепее, настойчивее. Темп дикой пляски становился все неистовее. Словно сами собой в кругу появились маски Коминокулы – супруги Баксбакуаланксивы, его рабов Кинкалалалы, ворона Коакскоаксуалануксивы, клювастой птицы Гоксгок. И, наконец, – самого пожирателя человечины. Сказка переплелась с реальностью. Люди исчезли, остались лишь чудовища и противостоящие им герои.

Лишь старая Вельва Говорящая с Луной не принимала участия в общей пляске. Она продолжала раскачиваться и петь, хотя никто уже не слушал ее. А – напрасно. Прорицательница пела о том, что братья убили страшного духа, выдернув из-под него доски и заживо изжарив на раскаленных углях ловушки. Убили они и его домочадцев. А после попытались освободить женщину, которая научила их, как им погубить Баксбакуаланксиву. Женщина эта была их сестрой, давно похищенной покровителем людоедов. Она отдала им все сокровища Баксбакуаланксивы, маски, которые изображали его самого, жену и рабов, но братья не сумели освободить сестру. Она слишком глубоко вросла в гору, пустив в нее корни. Сестра отговорила братьев от этого бесполезного занятия, и тогда они ушли, унося добычу.

[Купить полную версию книги](#)